

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies

выпуск 1

volume 1

Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"

Санкт-Петербург

1992

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T. Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H. West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им. Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им. Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A. Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St. Petersburg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St. Petersburg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

"ЯНЬ-ЦЗЫ ЧУНЬЦЮ": ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА

Л.В.Сторчевой

(Нью-Йорк)

I

Число чжоуских письменных памятников, сохранившихся до наших дней, не столь уж велико, и, поскольку именно в эпоху Восточная Чжоу сформировались основы китайской философской и литературной традиции*, изучение всех без исключения чжоуских текстов представляется задачей первоочередной важности для синологов-классиков. Данная работа посвящена рассмотрению одного из наиболее известных сочинений, традиционно относимых к доциньскому периоду (до III в. до н.э.) - "Янь-цзы чуньцю"¹ (далее - ЯЦЧЦ) - "Весны и осени Янь-цзы".

В отечественной синологии эта книга была полностью обойдена вниманием, если не считать двух статей, связанных с частными сторонами исследуемой проблемы: (З), (За)^{1а}. Исходя из

* Эпоха Восточная Чжоу, длившаяся с VIII до III вв. до н.э., разделяется на две периода: Чуньцю (Весны и осени) (VIII-V вв. до н.э.) и Чжаньго (Борющиеся царства) (V-III вв. до н.э.). Наиболее интенсивно традиции духовной культуры Китая формировались на рубеже этих двух периодов.

этого, мы склонны рассматривать предлагаемую работу как своего рода введение в изучение ЯЦЧЦ, введение, долженствующее дать общий обзор этого уникального текста и определить пути его дальнейшего исследования.

ЯЦЧЦ относится к тому же типу древнекитайской повествовательной литературы, что и "Хань Фэй-цзы", "Люй-ши чуньцю", ("Весны и осени господина Люя"), "Шо юань" ("Сад речений") и по авторитетности не уступает этим сочинениям. Имя Янь-цзы стоит в одном ряду с именами Гуань-цзы (18, т.1; цз.3, с.102) и Мэн-цзы (4, т.6; "Люцзы", 4, 2, раздел 55, с.15а). Как к непреложному образцу для подражания обращались позднейшие литераторы к поступкам и суждениям Янь-цзы. О его деяниях повествуют многие доханьские и ханьские книги: "Ле-цзы", "Мо-цзы", "Цзо чжуань" ("Комментарий Цзо"), "Ли цзи" ("Записи о церемониях"), "Люй-ши чуньцю", "Хань ши вай чжуань" ("Внешний комментарий на "Ши/цзин/" Ханя"), "Ши цзи" ("Записки историка"), "Шо юань", "Лунь хэн" ("Весы суждений") и т.д.². В последующие эпохи сюжеты из ЯЦЧЦ становятся едва ли не обязательными для китайских энциклопедий лэйшу и фундаментальных компилятивных сочинений. Назовем хотя бы танские лэйшу "И вэн лэй цзюй" ("Классифицированная антология искусства и высокой словесности"), "Чу сюэ цзи" ("Записки для начального обучения"), антологию "Цюнь шу чжи яо" ("Наиглавнейшее из всех книг") (8; с.551-565, цз.33), сунскую лэйшу "Тай-пин юй лань" ("Августейшее обозрение (годов правления) "Великое равновесие"). Наличие специальной работы, исследующей вопрос о месте сюжетов о Янь-цзы в китайской литературе (30), позволяет нам ограничиться этим перечислением, но и приведенных примеров достаточно, чтобы судить о популярности указанных сюжетов. Тем более парадоксально, что эта популярность не помешала возникновению значительного количества проблем, связанных с ЯЦЧЦ.

Традиционная китайская библиография, относя книгу к тому или иному библиографическому разделу, давала, тем самым, ее идейную и жанровую характеристику. И это была первая

информация, которую мы получали. В нашем случае разноречива даже эта информация. Разноречивы и сведения об авторстве и времени создания ЯЦЧЦ. При том, что оба последних вопроса, равно как и вопрос о самом названии - "Янь-цзы чуньцю" будут подробно рассмотрены ниже (см.с.220-224), мы, следуя традиции, считаем необходимым сказать об этом вкратце уже здесь. Если говорить об идейной направленности ЯЦЧЦ, то на эту проблему существуют три основные точки зрения: эта книга является - 1. конфуцианским сочинением; 2. моистским; 3. оригинальным сочинением, излагающим собственное учение Янь-цзы, имеющее сходные черты как с конфуцианством, так и с моизмом. Что касается автора книги, то поначалу (вплоть до эпохи Тан - VII-X вв. н.э) им считался сам Янь-цзы (Янь Ин), но затем авторство было признано за неким анонимным начетчиком, собравшим все рассказы о Янь-цзы, дабы увековечить деяния этого философа. В этой связи суждения современного китайского исследователя У Цзэ-юя выглядят более определенными. Он полагает, что автором ЯЦЧЦ является сановник циньского Ши-хуана - Чуньюй Юэ, живший в III в. до н.э. (20; предисл. с.23). По другому мнению эта книга была написана еще в эпоху Чжаньго. Существует, однако, и та точка зрения, что ныне известный текст ЯЦЧЦ - это не более, чем лючаоская подделка (20; с.630).

Определим теперь схему дальнейшего исследования. Вначале мы дадим краткий обзор книги, предоставив ей, так сказать, говорить самой за себя. Затем будет предложен критический очерк всех исследований ЯЦЧЦ и суждений относительно этого текста. В заключение мы изложим собственные выводы.

2

Хотя первое упоминание о ЯЦЧЦ встречается еще в "Записках историка" (12; цз.62, с.2136), Сыма Цянь (145?-86? гг. до н.э.), почти не приводит фактических сведений об этом сочинении, за исключением того, что "в мире она есть у многих". Примерно через сто лет мы находим ЯЦЧЦ среди книг, составленных и

отредактированных в 1-м в до н.э. Лю Сяном. От этой редакции сохранилось, хотя и с некоторыми купюрами, только предисловие (20; предисл. с.49-50). Оно представляется в высшей степени важным для нас, ибо является первым наиболее обстоятельным свидетельством о ЯЦЧЦ. Говоря о своей составительской работе над текстом, Лю Сян сообщает, что им были взяты 11 пяней "Янь-цзы" из императорской библиотеки, 5 пяней из библиотеки Великого историографа, 1 пянь книги, принадлежавшей ему самому, и 13 - его помощнику, некоему Цаню, также принимавшему участие в редактировании. Всего было собрано 30 пяней, содержащих в общей сложности 838 рассказов, однако окончательный текст книги составили только 8 пяней с 215 рассказами, ибо рассказы остальных 22 пяней оказались повторением. Далее Лю Сян, приводит биографические сведения о Янь-цзы: Настоящее имя - Ин, посмертное имя - Пин-чжун, уроженец области Лай, служил циским князьям - Лин-гуну (581-553 гг. до н.э.), Чжуан-гуну (553-547 гг. до н.э.) и Цзин-гуну (547-489 гг. до н.э.). Эти скупые факты сменяются восхвалением добродетелей Янь-цзы, неоднократными аллюзиями на сюжеты из книги. В заключение Лю Сян уведомляет о предпринятом разделении текста на две части: "внутреннюю" из 6 пяней, содержание коих соответствовало идеям "Шестикнижия", и "внешнюю", куда вошли 2 пяни, состоящие из рассказов, в идейном отношении противоречащих канону или частично дублировавших предшествующие рассказы. Вот все, что нам известно о ЯЦЧЦ в эпоху Западная Хань - все, на что мы можем опереться, говоря о происхождении ЯЦЧЦ. Каких-либо других более подробных сведений об этой книге мы не имеем вплоть до эпохи Сун (7).

Текст, известный нам сегодня, также состоит из 8 цзюаней, включающих в себя 215 рассказов. Хотя термин "цзюань" и заменил в свое время термин "пянь", старое деление на внутренние и внешние пяни сохранено и поныне, ибо оно функционально и определяет тематическую рубрикацию книги. Структура ЯЦЧЦ выглядит следующим образом:

цз.1 = внутренние пяни. Увещевания (цзянь). Ч.1. 1-я пянь. 25 рассказов;

цз.2 - внутренние пяни. Увещевания. Ч.2. 2-я пянь. 25 рассказов;

цз.3 - внутренние пяни. Вопросы (вэнь). Ч.1. 3-я пянь. 30 рассказов;

цз.4 - внутренние пяни. Вопросы. Ч.2. 4-я пянь. 30 рассказов;

цз.5 - внутренние пяни. Разное (цза). Ч.1. 5-я пянь. 30 рассказов;

цз.6 - внутренние пяни. Разное. Ч.2. 6-я пянь. 30 рассказов;

цз.7 - внешние пяни. 7-я пянь. 27 рассказов;

цз.8 - внешние пяни. 8-я пянь. 18 рассказов.

Каждый из рассказов имеет довольно объемное название* (в среднем, около 16 знаков) - явление, не характерное для древних сочинений, так как более распространенным типом организации текста является непрерывная последовательность сюжетных компонентов главы, не предваряемых при этом заголовками. Обычно название представляет собой несколько коротких фраз из данного рассказа, наиболее точно характеризующих его содержание. Объем самих рассказов колеблется от минимальной величины - 31 знак (цз.6 N 29) (в этом случае он лишь в два раза больше заголовка) до максимальной - 557 знаков (цз.7 N 7). Помимо того, что заголовки определяют художественную специфичность ЯЦЦЦ как литературного произведения, они обладают и более практической функцией, поскольку имеют отношение к выделению внутри текста трех жанровых групп: "Увещевания", "Вопросы", "Разное". Во всех заголовках первых двух пяней сообщается о каком-либо недостойном поступке, совершенном монархом; заканчиваются они словами: "Янь-цзы увещевает". Заголовки 3-й и 4-й пяни также строятся стандартным образом: вначале говорится, что кто-то (указывается имя) задал такой-то вопрос, затем следует фраза: "Янь-цзы ответил", и приводится краткая формула ответа.

* Полный перечень см. Приложение.

Таким образом, значимость этих построенных на внутренней оппозиции заголовков состоит в том, что они как бы подтверждают правомерность отнесения рассказа в данную пянь. Выбор же и классификация рассказов по пяням определяют, в свою очередь, тематическую организацию текста.

Внутри каждой цзюани рассказы также распределяются, хотя и не повсеместно, в определенной смысловой последовательности, образуя группы типологически сходных сюжетов, что выражается и в стандартной структуре заголовков. При этом признак, объединяющий рассказы в условные группы, может быть весьма различным. Например, место действия (Великие палаты - "лу цин"; цз.2 N 18-20), тема вопросов, адресованных Янь-цзы (о благородном муже, о мудром правителе, о просвещенном князе; цз.3 N 16-22), персонаж, задающий вопрос (Шу-сян; цз.4 N 17-26), хронологическая последовательность описываемых событий (правление Чжуан-гуна, смерть его, начало правления Цзин-гуна, цз.5 N 1-4), поведение Янь-цзы в какой-либо конкретной повторяющейся ситуации (подношение ему богатых подарков и его отказ от них, цз.6 N 16-25) и т.д. Хотя такого рода группы не столь функциональны, и, естественно, не столь объемны, как группы, в которые объединяются сами пяни - "Увещевания", "Вопросы", "Разное", наличие их - это факт, лежащий на поверхности, весьма интересный для вопроса о принципах древнекитайских классификаций.

Переходя к рассмотрению ЯЦЧЦ по разделам, сделаем еще одно замечание. Обзор текста мы будем давать именно в соответствии с традиционной китайской последовательностью цзюаней (пяней) и сюжетных групп внутри них, полагая, что такое описание материала более правомерно, нежели типологизация тем по современным литературоведческим трафаретам. Если, с точки зрения древнекитайских ученых, фактором, объединяющим данные сюжеты, было только то, что действие этих сюжетов происходило в период сильных морозов (цз.1 N 19-20) или было связано со строительством дворцовых апартаментов (цз.2 N 5-7), - для нас эта последовательность, какой бы она ни казалась нелепой, должна

представлять большее значение, чем то, что в каждой из упомянутых групп речь идет о тяжелом положении народа.

3

ЦЗЮАНЬ 1-2 - "УВЕЩЕВАНИЯ". Темой всех 50 рассказов первых двух цзюаней являются недостойные поступки циского монарха и увещевания Янь-цзы, пытающегося облагородить своего князя. В 49 случаях наставления Янь-цзы обращены к Цзингуну, которому он в течение 40 лет служил министром, и лишь в одном - к его предшественнику, Чжуангуну. В первом же рассказе, открывающем, таким образом, все повествование, уже заявлена одна из самых важных тем, пронизывающая буквально все суждения Янь-цзы и как нельзя более характеризующая его идейные принципы, - это тема справедливого правления и гуманных порядков в государстве.

"Чжуангун преклонялся перед бесстрашием и силой и забыл о соблюдении справедливости. Бесстрашные и сильные воины не знали запретов в государстве. Родственники государя не докладывали о добрых делах, а приближенные не указывали на просчеты. Поэтому Янь-цзы явился к князю. Тот сказал: "И в древности тоже бывали такие, что утверждались в мире только благодаря бесстрашию и силе?" Янь-цзы ответил: "Я слышал, что бесстрашием называлось то, когда соблюдая церемонии, игнорировали смерть, а силой называлось то, когда казнили злодеев, не делая исключения и для самых могучих. И благодаря тому, что воцарялись бесстрашные и сильные, соблюдались церемонии и справедливость. Тан и У применяли оружие, но не шли против природы вещей; присоединяли государства, но не проявляли жадности. Так происходило потому, что они следовали принципам гуманности и справедливости. Они казнили злодеев, не делая исключения для самых могучих, и искореняли преступников, даже если тех были целые толпы. В этом и состояли бесстрашные и сильные поступки. В древности быть храбрым и сильным значило соблюдать церемонии и справедливость... Ныне Вы, государь,

...забыли о соблюдении справедливости. Бесстрашные, сильные воины не знают запретов в государстве. Они утверждают в грозном могуществе, и в основе их поступков - разврат и жестокость. Ваши родственники не докладывают о добрых делах, а приближенные не указывают на просчеты. Тем самым, они извращают добродетель совершенномудрого царя и следуют поступкам правителей, достойных уничтожения. Я еще не слышал, чтобы при этом можно было оставаться государем" (цз.1NN, с.1-2).

В следующем рассказе увещевания Янь-цзы обращены уже к Цзин-гуну, однако, как это нередко случается в истории, переход от одного правления к другому, смена государей почти не ощутимы нами. По-прежнему забытыми остаются церемонии (цз.1 N2; цз.2 N 9, 23, 25), все также принижен и измучен народ (цз.1 N 5, 10. 20; цз.1, N 2, 5-8, 11), а князь, окружив себя недостойными слугами, попирает справедливость (цз.1 N 1, 7, 8), преклоняясь лишь перед роскошью (цз.2 N 11-16) и физической силой (цз.2 N 25). В какой-то зловещей последовательности перечисляются ошибки и недостойные деяния князя, объединенные, как отмечалось выше, в условные тематические группы, границы между которыми выдерживаются, разумеется, не строго. В первую из этих групп вошли рассказы, начинающиеся со слов: "Цзинь-гун пьет вино" (цз.1 N 2-5). Мы видим, как князь забывает о соблюдении церемоний и призывает придворных веселиться вместе с ним (N 2); или, совершая обильные возлияния, не проявляет никакой заботы о государственных делах (N 3). Каждый раз взывает Янь-цзы к добродетели князя, и каждый раз Цзин-гун раскаивается в своих поступках, признавая правоту своего министра. Но следующий рассказ вновь повествует о жестоком правлении Цзин-гуна, о его недопустимом поведении, следствие которого - страдания народа:

"Во времена Цзин-гуна семнадцать дней шли затяжные дожди. Князь же денно и нощно пил вино. Янь-цзы просил раздать народу просо. Просил три раза, но так и не получил разрешения. Князь повелел Бо Цзюю объехать с инспекцией страну, чтобы привлечь ко двору искусных певцов. Янь-цзы, узнав об этом, стал

невесел. Роздал беднякам все просо (своей семьи) и привез на дороги между полями тару и средства для перевозок*[#]. Сам же пешком отправился на аудиенцию к государю. Сказал: "Семнадцать дней льют дожди*. В каждой волости по несколько десятков разрушенных жилищ*. В каждой деревне - по несколько голодных семей. В народе старый и слабый мерзнет от голода, но не имеет даже короткой сермяжки. Голодающие и умирающие не имеют даже отрубей... Вы же, государь, не оказываете им никакой помощи, но пьете денно и ночью вино... Лошади едят просто из государственных кладовых; собаки жрут говядину и свинину; наложницы во всех трех покоях* вдоволь обеспечены зерном и мясом. Не слишком ли богаты собаки, лошади и наложницы? И разве не нищ весь народ?.."

Дважды поклонился, склонил голову и, попросив позволения уйти в отставку, отошел. Затем повернулся и вышел (/Князь/, догнав его), сказал: "Я совершил преступление... О, если бы Вы осчастливили меня своей опекой!.."

Тогда Янь-цзы вернулся... (Князь) уменьшил себе порцию мяса и отказался от вина. Лошади уже не ели проса из государственных кладовых, а собак больше не кормили мясом" (цз.1 N 5, с.13-14).

Отношениям Цзин-гуна с приближенными, его дворцовой политике посвящены рассказы (цз.1 N 8-11). Возвеличивая недостойное, князь внимает словам льстецов и наветам клеветников. Логическим завершением такого пути являются события, о которых говорится в рассказе N 11. Цзин-гун лишает своего старшего сына Ян-шэна прав на наследование престола и назначает преемником младшего сына - Ча, рожденного ему любимой наложницей. Янь-цзы пытается образумить князя, говоря: "Использовать ничтожного, приравнивая его к достойному, - это зло для государства. Давать отставку старшему и сажать на

[#] Здесь и далее в цитатах из ЯЦЦЦ знак * обозначает наличие лакун или сложных для понимания мест в китайском оригинале, которые мы переводили, исходя из комментария, имеющегося в используемом нами издании текста (20).

престол младшего - это источник беспорядков" (цз.1 N 11, с.38). - Но увещевания его тщетны. В заключение к этому рассказу сообщается, что после смерти Цзин-гуна могущественный род Тянь³ убил его преемника Ча, а вслед за ним и двух последующих правителей, и затем завладел всем государством Ци⁴.

Гадания и жертвоприношения составляют тему рассказов цз.1 N 12-15. В них Янь-цзы, показывая себя довольно сведущим в делах духов, не раз тем не менее, порицает князя за намерение вознести молитвы или совершить жертвоприношения. Однако критика эта направлена не против поклонения духам вообще, а против неверного способа общения с ними, не приносящего должной пользы, и, если судить по отдельным рассказам, Янь-цзы выступает, в каком-то смысле, как реформатор культа, а не против него. Примером тому рассказ N 15, где говорится о том, что в течение долгого времени в Ци свирепствовала засуха и Цзин-гун велел совершить подношение горе Линшань и духу Реки (Хуанхэ). Янь-цзы воспротивился этому, сказав: "В таком жертвоприношении нет никакой пользы! Известно ведь, что тело горы Линшань - это скала, а травы и деревья - ее волосы. Если небо долго не станет посылать дождя, то волосы ее сгорят, а тело раскалится. Так разве она сама не жаждет дождя?.. Государство духа Реки - это вода, а его народ - рыбы и черепахи. Если небо не даст дождя, то иссякнут источники и высохнут притоки; государство погибнет, а народ исчезнет. Так разве дух Реки не желает дождя? Какой же толк от принесения жертвы... Но если Вы, государь, покинете дворец, и поселившись под открытым небом, разделите печаль Линшань и духа Реки, неужели удача отвернется от Вас и не пойдет дождь?!" (цз.1 N 15, с.55).

Цзин-гун последовал совету Янь-цзы. Через три дня, действительно, пошли дожди, и народ смог собрать урожай.

Много общего с рассмотренным сюжетом имеют рассказы цз.1 N 17, 18, 21, 22. Здесь Янь-цзы довольно близок своей роли знатока дел духов, склоняясь, однако, в сторону астрологии и толкования снов. Он объясняет князю появление кометы на небе (N

18), появление планеты Инхо (Марс) в созвездии Пустота (цз.1 N 21), толкует сон Цзин-гуну, в котором тому привиделось двое разгневанных богатырей (цз.1 N 22). Но все эти события имеют, скорее, политический, чем оккультный смысл, ибо, согласно Янь-цзы, комета, равно как и смена местоположения Инхо, указывают на то, что правление князя стало недобродетельным и жестоким, а богатыри оказываются предками государства Сун, негодующими на Цзин-гуна за то, что он напал на их исконные земли. И Янь-цзы заставляет князя улучшить правление, убеждает отказаться от войны с Сун.

Во время прогулок с князем по горе Ньюшань (цз.1 N 17) и холму Гунфу (цз.1 N 18) Янь-цзы рассуждает о смерти и бессмертии, провозглашая, что смерть - неизменный удел всех людей, определяющий смену исторических событий.

Два последних рассказа первой цзюани, так же как и первые рассказы второй цзюани, повествуют о жестокости Цзин-гуна, готового казнить человека за самую ничтожную провинность. Смерть ждет простолюдина, вспугнувшего птицу, которую князь выслеживал во время охоты (цз.1 N 24); конюха, не уследившего за лошадью Цзин-гуна (цз.1 N 25); человека, сломавшего любимую софору князя (цз.2 N 2); солдат, не сумевших во время сильных морозов замесить глину (цз.2 N 4); и только тому, кто без разрешения срезал бамбук, грозит "всего лишь" тюремное заключение (цз.2 N 3).

Этой сюжетной группе свойственен особый тип увещевания, заслуживающий серьезного специального исследования: иронически восхваляя жестокий поступок или суждения князя, лишённые какого-либо здравого смысла, Янь-цзы развивает их, доводя до абсурда, тем самым показывая полную их несостоятельность (цз.1 N 25; цз.2 N 4; см. также цз.8 N 13). В соответствии с этой моделью увещевания, казнь конюха оказывается вполне правомерной, ибо он не только погубил любимую лошадь государя, но и вынудил его из-за животного убить человека. Известие же об этом вызовет негодование в народе

и среди удельных князей и послужит причиной ослабления циского государства (цз.1 N 25).

Большая часть последующих двенадцати рассказов (цз.2 N 5-16) связана с одним из важнейших принципов воззрения Янь-цзы - принципом умеренности и воздержания от излишеств. Формально эти рассказы распадаются на следующие сюжетные группы: строительство дворцовых апартаментов (Великой башни N 5, 7, 8, 11; "Длинных палат" N 6, 7), строительство дороги в государство Цзоу (N 7), сооружение колокола (N 12, 13), пристрастие князя к дорогой одежде и красивому жилью (N13-16). Излишняя роскошь, стремление возвеличить себя за счет высокой башни или большого колокола недостойно справедливого монарха, ибо "это обернется тяжелыми налогами для народа, и народ станет кручиниться, а управляя государством, нельзя радоваться тому, из-за чего скорбит обложенный налогами народ" (цз.2 N 11, с.122).

Столь же недопустимым является стремление к богатой одежде - стремление, развращающее государя и его подданных. Янь-цзы демонстрирует полную непримиримость с этим "развратом", стараясь уничтожить его во всех его проявлениях. Так, он настаивает на изгнании из Ци луского ремесленника, изготовлявшего изящные туфли (цз.2 N 13). Точно также были выгнаны придворные танцоры и певцы (цз.1 N 5) и музыкант, исполнявший новые мелодии (цз.1 N 6).

Между сюжетами о дворцовых палатах и колоколе помещены рассказы, действие которых так или иначе связано с охотой (цз.2 N 8-10). Наиболее ярким и часто цитируемым из них является рассказ N 10, где афористически сформулированы принципы мудрого управления государством.

"Цзин-гун был на охоте. Поднялся на гору и увидел тигра, спустился в низину и увидел змею. Вернувшись, призвал к себе Янь-цзы и спросил: "Сегодня я ездил охотиться. Поднявшись на гору, я видел тигра, спустившись в низину, видел змею. Это, как будто бы, считается дурным предвестием". Янь-цзы ответил: "Несчастье государству предвещают три вещи, но все они не имеют отношения к сегодняшнему случаю. Если есть мудрец, а о нем не

знают, - это первое дурное предзнаменование. Если о нем знают, но не берут на службу, - это второе предзнаменование. Если его берут на службу, но не дают поручений, - это третье дурное предзнаменование. Только эти признаки и сулят несчастье. Вы же всего лишь поднялись на гору и увидели тигра. Значит, там было его жилище. Вы спустились в низину и увидели там змею. Значит, там была змеиная нора. И в том, что Вы увидели, где логово тигра и нора змеи, нет ничего дурного!" (цз.2 N 10, с.121).

Действие следующей сюжетной группы связано с башней Великих покоев (цз.2 N 18-20). В первом из этих трех рассказов говорится о том, как Цзин-гун поднимался на башню, но, будучи не в силах добраться до самого верха, остался недоволен. Воспользовавшись случаем, Янь-цзы доказывает князю, сколь неразумно строить такие высокие башни, и призывает его приучаться к умеренности. В другом рассказе (N 19) Цзин-гун поднимается на башню Великих покоев, и, взирая на свое государство, спрашивает Янь-цзы, кому же оно достанется после его смерти. Янь-цзы убеждает Цзин-гуна в том, что не будет никакой пользы от того, узнают они это или нет, и что гораздо важнее усовершенствовать правление в Ци. В рассказе N 20 башня служит препятствием для того, чтобы некий Пан Юй-хэ смог подхоронить свою мать в могилу отца и тем самым соблюсти сыновний долг. Янь-цзы призывает князя позволить совершить захоронение.

Закljučая одну сюжетную группу, этот рассказ открывает цикл рассказов, посвященных теме похоронного обряда (цз.2 N 20-23). Здесь Янь-цзы выступает как сторонник строгого соблюдения этого ритуала. Идя на обман, он добивается, чтобы вовремя была похоронена наложница князя (N 21); запрещает князю хоронить гончего пса словно человека - со всеми церемониями (N 23).

В последних рассказах раздела "Увещевания" (цз.2 N 24, 25) Янь-цзы уговаривает Цзин-гуна отказаться от пристрастия к физической силе, отказаться от того, чтобы содержать при дворе сильных солдат, ибо "если храбрецов много, они убивают своего государя, а если силачей много, они убивают своего командира" (цз.2 N 25, с.170).

Завершая тематический обзор этого раздела, сделаем несколько замечаний по поводу структуры "Увещеваний". В композиционном отношении наиболее распространенным их видом является монолог-наставление. Он занимает большую часть рассказа и обрамлен сюжетной канвой, непременным атрибутом которой является зачин, где сообщается о каком-либо проступке князя, и несколько менее обязательным - концовка, повествующая о результате увещевания. При этом рассказ может быть осложнен какими-нибудь сюжетными интерполяциями (цз.1 N 2, 18; цз.2 N 2 и т.д.), репликами второстепенных персонажей (цз.1 N 6, 13, 17, 18; цз.2 N 2, 20) и самого князя (цз.1 N 6, 9, 12; цз.2 N 7, 15), а также резюме, принадлежащим какому-либо персонажу, не принимавшему участия в рассказе (цз.2 N 5). Но во всех этих случаях основную смысловую функцию за редким исключением несут именно суждения Янь-цзы. Гораздо реже встречаются рассказы с другим видом композиции. Главное в них - это не реплики действующих лиц, а сюжет (цз.1 N 5, цз.2 N 22).

ЦЗЮАНЬ 3-4 - "ВОПРОСЫ". В отличие от "Увещеваний", имеющих какие-то сюжетные характеристики, "Вопросы", в основном, состоят исключительно из рассуждений и имеют форму распространенного или краткого, состоящего лишь из двух реплик (вопрос-ответ) диалога. Содержание вопроса, равно как и основной пункт ответа выносятся в заголовок. Все это делает проблематичным правомерность подробного обзора (особенно - в случае с довольно многочисленными рассказами, объем которых лишь немногим превосходит объем заголовка) рассказов этого раздела, тем более, что достаточно полное представление о них дает само оглавление (см. Приложение). Поэтому мы ограничимся лишь тем, что контурно обрисуем основные тематические группы рассказов этой части.

Первые четыре "вопроса" связаны с нападением Ци на соседние государства. Их задают Чжуан-гун и Цзин-гун. Сразу же заметим, что в 3-й цз. оба этих князя являются "авторами" всех вопросов, в то время как в 4-й цз. Цзин-гун фигурирует лишь в

девяти рассказах; в остальных же участвуют правители других государств: У, Лу, Цзинь и их сановники.

В дальнейшем классификация рассказов 3-й цз. становится не столь скрупулезной, как это было в разделе "Увещевания". основная их тема - правление, поведение государя и чиновника, политика по отношению к соседним к Ци государствам. 4-я же цз. словно разделяется на две неравновеликие части, в первой из которых с вопросами к Янь-цзы обращается Цзин-гун (N 1-9), а во второй - другие персонажи, из которых больше всего вопросов приходится на долю цзиньского министра Яншэ Шу-сяна (N 17-27). Начиная с рассказа N 10, и надо полагать, до N 27, вопросы Янь-цзы задаются во время его посольств в другие княжества. Так, в N 10-11 содержится разговор между Янь-цзы и усским князем (имя его, однако, не сообщается), в N 12-14 повествуется о беседе Янь-цзы и луского Чжао-гуна (541-509 гг. до н.э.), а в N 15-16 Янь-цзы разговаривает уже с цзиньским Пин-гуном (557-531 гг. до н.э.). Там же в Цзинь происходит знаменитый диалог между Янь-цзы и Шу-сяном, поведавшими друг другу о тяжелом положении в Ци и в Цзинь (N 16). Этот эпизод зафиксирован в "Цзо чжуань" (21, с.585-588), благодаря чему мы знаем, что он произошел на 9-м году правления Цзин-гуна, т.е. в 539 г. до н.э. Мы также знаем, что беседа эта происходила во время пира в честь того, что Пин-гун взял в жены сестру циского Цзин-гуна. Поскольку в ЯЦЧЦ не сообщается о посольстве Шу-сяна в Ци, можно предположить, что все остальные разговоры между ним и Янь-цзы (N 17-27) тоже имели место именно в Цзинь.

Наконец, три последних "вопроса" заданы философом Цзэн-цзы (N 28), циским сановником Лян Цю-цзюем (N 29) и Бо Чан-цянем, советником, бежавшим из Чжоу (N 30).

Так же, как и в большей части "Увещеваний", главное в рассказах рассматриваемого раздела - это суждения Янь-цзы. Но если в первом случае поводом для них является какой-либо проступок циского князя, то во втором - чей-либо вопрос, который вовсе не обязательно несет в себе что-то отрицательное. Как правило, вопрос задается вне всякого контекста, что,

соответственно, определяет диалоговую структуру рассказа и отсутствие в нем сюжетного обрамления. В качестве типичного приведем следующий пример:

(Яншэ) Шу-сян спросил у Янь-цзы: "Какие желания самые возвышенные и какие поступки самые благородные?" Тот ответил: "Нет более возвышенного желания, чем любить народ, и нет более благородного поступка, чем поступок, радующий народ". Шу-сян вновь спросил: "Какие желания самые низкие и какие поступки самые подлые?" Тот ответил: "Нет более низкого желания, чем желание мучить народ, и нет поступка более подлого, чем причинять вред народу" (цз.4 N 22, с.282).

Лишь весьма немногие из "Вопросов" связаны с сюжетным действием. Например, цз.3 N 2, где говорится о нападении Чжуангуна на государство Цзинь, или цз.4 N 5, где повествуется о том, как Цзин-гун намеревался совершить объезд своих владений.

ЦЗЮАНЬ 5-6 - "РАЗНОЕ". В этом разделе собраны рассказы, не соответствующие жанру "Увещаний" и "Вопросов". Несоответствие это носит, казалось бы, чисто формальный характер. Как мы уже отмечали, критерием, по которому рассказы были отнесены к разделу "Увещаний", явилось наличие в их заголовках иероглифа "цзянь" - "увещевать"; аналогично этому в "Вопросы" попали рассказы, в заголовке которых и, соответственно, в первых фразах повествования, имелись иероглифы "вэнь" - "спросить" и "дуй" - "ответить". Те рассказы, где в названии отсутствуют эти иероглифы, и составляют раздел "Разное". И это при том, что определенная часть рассказов 5-й и 6-й цз. ничем не отличается от "Увещаний", как например, цз.5 N 1, где Янь-цзы, нарочно нарушая этикет, садится на землю и высмеивает Чжуангуна за несоблюдение церемоний; или от "Вопросов" - цз.5 N 13, где Янь-цзы объясняет Цзин-гуну, что значит быть слугой престола и народа. Тем не менее, само существование данного раздела представляется скорее оправданным, чем наоборот. Отсутствие формальных признаков, о которых мы говорили, является, пожалуй, следствием определенных особенностей содержания и

построения этих рассказов. В идейном отношении они не столь ортодоксальны, как "Увещевания", и не столь строги по форме, как диалоги раздела "Вопросы". Поэтому в "Разном" мы находим значительное число весьма специфических сюжетов.

Открывают раздел два рассказа о Чжуан-гуне. Оба они, как и два последующих рассказа, подчинены единой хронологической последовательности. Первый рассказ, повествуя о негуманном правлении Чжуан-гуна, завершается упоминанием еще пока не случившегося переворота Цуй Шу - циского сановника, убившего Чжуан-гуна. Во втором рассказе - главные события происходят уже после смерти Чжуан-гуна. Действие третьего - относится к тому периоду, когда временщики Цуй Шу и Цин Фэн, захватив в свои руки реальную власть в стране, творили злодеяния и держали народ в страхе. В четвертом рассказе уже говорится о годах спокойствия в Ци. После смерти Цуя и Цина правление Цзин-гуна перестает быть номинальным. Он назначает Янь-цзы наместником области Дунъя, но лишь по прошествии шести лет удается тому установить в Дунъя порядок.

В следующей наиболее ярко очерченной группе объединены рассказы, восхваляющие сострадание слабым и неимущим (цз.5 N 8-10). Опыт предшествующих пяти цзюаней приучил нас к тому, что основу повествования сюжетных рассказов составляет, как правило, недостойный поступок князя, вызывающий соответствующую реакцию Янь-цзы. Но в данном случае дидактика Янь-цзы принимает неожиданное направление. Он восхищается князем, пожалевшим голодного старика, и говорит, что эта жалость - основа управления государством (N 8). Узнав же о том, что Цзин-гун поймал птенца воробья, но, увидев его немощность, отпустил, Янь-цзы восклицает: "У моего государя есть Дао совершенномудрых правителей" (цз. N 9, с.312).

Однако в последующих рассказах мы вновь встречаем привычное нам развитие сюжета. Игнорируя всякие приличия, Цзин-гун распускает волосы, запрягает шестерку лошадей и, посадив кучером женщину, выезжает с территории дворца. И лишь охранник ворот препятствует этому порочному развлечению.

Повернув упряжку обратно, он говорит князю: "Вы мне больше не государь!" (цз.5 N 11). В другой раз Цзин-гун ночью является поочередно к трем своим сановникам, приглашая их разделить его радость (N 12). Янь-цзы и Тянь Шан-цзюй⁵ не пускают его. Только Лян Цю-цзюй потворствует князю, пируя и веселясь с ним до утра. "Если бы не те двое мудрецов (т.е. Янь-цзы и Жан-цзюй - Л.С.), то кто бы управлял моим государством, - заключает Цзин-гун. - И если бы не этот чиновник, то кто бы радовал меня" (цз.5 N 12, с.319).

Сюжет рассказов цз.5 N 13-16 связан с церемонией вкушения пищи и вина. Янь-цзы призывает князя отказаться от ночного винопития, ибо это не соответствует церемониям (N 15); или же убеждает дворцового распорядителя в том, что нельзя, заставив народ выплачивать новые подати, получить от этого радость (N 14). Своим неукоснительным соблюдением этикета Янь-цзы внушает к себе почтение цзиньского Фань Чжао, и тот отговаривает цзиньского князя напасть на Ци (N 16).

Также теме нападения посвящены рассказы цз.5 N 17-18, но здесь говорится уже о военных планах Ци против княжества Лу. Янь-цзы добивается того, что Цзин-гун не только не объявляет войну Лу (N 17), но и собирается подарить лускому князю несколько своих угодий (N 18).

"Луская" тема находит свое продолжение в рассказах цз.5 N 20-22. Но если в рассказе N 20 главными персонажами являются луский Чжао-гун и циский Цзин-гун, то в следующих двух, как и вообще во всех оставшихся рассказах пятой цзюани, сюжет составляют отношения между Янь-цзы и большим числом людей разных сословий. Это: Конфуций (N 21), Цзэн-цзы (N 23), некие благородные мужи Юэ Ши-фу (N 24) и Бэйго Сао (N 27), кучер Янь-цзы (N 25), странствующий ученый Минь Цзы-у (N 26), слуга Янь-цзы - Гао Цзю (N 28-29) и т.д. Вообще, все те рассказы, где состав действующих лиц не столь ортодоксален, интересны именно этой своей нетипичностью, нетрадиционностью, раскрывающей стороны личности Янь-цзы, которые до сих пор оставались скрытыми. Такие рассказы, встречаясь, как правило, только в

разделе "Разное" или во "внешних" пянях, образуют особую группу среди прочих сюжетов о Янь-цзы. Говоря о цз. N 5, отметим рассказы N 24, 27. Все они довольно известны и по другим источникам⁶, что свидетельствует об их популярности. В первом из них рассказывается о том, как Янь-цзы, находясь в местности Чжунмоу, повстречал томящегося в заключении Юэ Ши-фу, человека по внешности своей весьма благородного. Выкупив его, он везет Юэ Ши-фу в Ци и при этом допускает бестактность: не попрощавшись, заходит в свой дом, оставив его одного. Юэ Ши-фу увещевает Янь-цзы и, устыженный, тот принимает его как дорогого гостя. В каком-то смысле рассказ N 27 противоположен рассказу о Юэ Ши-фу. Вновь Янь-цзы оказывает благодеяние, дав зерна некоему Бэйго Сао, который был не в состоянии прокормить свою мать. Когда через какое-то время Цзин-гун изгоняет Янь-цзы, облыжно оклеветанного, из страны, Бэйго Сао, помня о добре, кончает жизнь самоубийством, дабы доказать князю честность Янь-цзы. Узнав об этом, Цзин-гун возвращает своего министра ко двору.

Шестая цзюань, последняя во "Внутренней" части, также весьма своеобразна. Проявляется это, хотя бы в том, что здесь содержится единственный в ЯЦЧЦ рассказ, повествующий о Лин-гуне, первом из трех князей, которым служил Янь-цзы (N 1). Правда, этот же рассказ мы находим в "Шо юани" (4, т.1, "Шо Юань", цз.7, с.ба), но там главным действующим лицом является Цзин-гун. В этой же цзюани довольно распространены рассказы, ставшие достоянием устной традиции, и, возможно, именно из неортодоксальной литературы перешедшие в ЯЦЧЦ. К этому жанру исторического анекдота можно отнести рассказы N 6-7, сюжет которых - болезнь Цзин-гуна, и рассказы N 8=11, повествующие о посольстве Янь-цзы в княжество У (N 8) и Чу (N 9-11). Сюжет трех последних рассказов состоит в том, что чуский князь, зная об остроумии и риторической находчивости Янь-цзы, желает опозорить его. Но каждый раз Янь-цзы сам высмеивает чуского правителя, с честью выходя из затруднительных ситуаций. Юмор

их вполне понятен и ныне. В качестве любопытного примера приведем следующий рассказ:

"Янь-цзы отправился послом в Чу. Поскольку он был маленького роста, чусцы сделали сбоку от главных ворот маленькую дверцу и пригласили его войти. Янь-цзы не вошел, сказав: "Через собачий лаз проходят те, кто направляется с посольством в собачье государство. Я же прибыл послом в государство Чу, и мне не следует идти через эти ворота". Тогда церемониймейстер предложил ему изменить путь и пройти через главные ворота.

Янь-цзы предстал перед чуским князем. Тот сказал: "Разве в Ци нет людей?" Янь-цзы ответил: "Если жители всех трехсот селений Линьцзы⁷ поднимут рукава, то наступит мрак. Если же смахнут пот, польется дождь. Прижавшись друг к другу плечами и упираясь друг в друга пятками - вот как они живут. Так почему же нет людей?" Князь сказал: "Тогда отчего отправили послом такого, как ты?" Янь-цзы ответил: "Когда в Ци назначают послов, то руководствуются следующим правилом: мудрого посла отправляют с посольством к мудрому князю, а глупого посла - к глупому князю. Я же безмерно глуп, вот меня и послали в Чу" (цз.6 № 9, с.389).

Действие рассказов цз.6 № 12-26 вновь происходит в Ци. Почти без исключения все они посвящены одной общей теме - умеренности Янь-цзы в потребностях, его воздержание от излишеств и роскоши. При этом рассказы распадаются на следующие сюжетные группы: где основными персонажами являются Янь-цзы и Тянь (Чэнь) У-юй⁸ (№ 12-14); где речь идет об отказе Янь-цзы от пожалованных ему земель (№ 15-16); где говорится о том, какую непритязательную пищу употреблял Янь-цзы и какую грубую одежду он носил (№ 17-20); где Янь-цзы отказывается от подаренных ему Цзин-гуном города, нового дома и дворцовых покоев (№ 20=23) и еще несколько рассказов, фигурирующих самостоятельно (№ 24-26).

Последние три сюжета 6-й цз. (N 28-30) повествуют о последних днях жизни Янь-цзы. Болея, Янь-цзы дает предсмертный наказ жене и оставляет завещание своему сыну. Так завершается "Внутренняя" часть ЯЦЧЦ.

ВНЕШНЯЯ ЧАСТЬ - ЦЗЮАНЬ 7-8. Как уже говорилось, ко "Внешней" части Лю Сяном были отнесены рассказы, повторяющие содержание рассказов "Внутренних" разделов, и те, которые противоречили идеям конфуцианства. Причем, первые вошли, главным образом, в 7-ю цз., а вторые - в 8-ю. То обстоятельство, что едва ли не все сюжеты 7-й цз. уже встречались ранее, дает нам право почти не останавливаться на них. Заметим, что изучение этих сюжетов представляется, тем не менее, интересным для установления аутентичности ЯЦЧЦ. Что касается того, варианты каких рассказов "Внутренней" части представлены в этой цзюани, то соответствующая сопоставительная таблица помещена в критическом издании ЯЦЧЦ, выполненном У Цзэ-юем (20, с.658-667). Согласно У Цзэ-юю, 21 рассказ из 27 дублирует рассказы "Внутренней" части, как правило, представляя собой сокращенные их варианты. Нам лишь остается добавить, что и в 7-й цз. сохраняется жанровая классификация, принятая в основном тексте ЯЦЧЦ: сначала идут "Увещевания" (N 1-14); затем "Вопросы" (N 15-20) и, наконец, "Разное" (N 21-27).

8-я цз. открывается шестью рассказами, посвященными отношениям между Янь-цзы и Конфуцием. Надо полагать, что это и есть те самые рассказы, которые, как писал Лю Сян, противоречат конфуцианству. В первом - наиболее ярком и известном из них - говорится о том, как Конфуций пришел в княжество Ци и Цзин-гун, восхищенный его речами, вознамерился подарить ему уезд. Однако Янь-цзы, обвиняя учение Конфуция в никчемности, вреде и полной несостоятельности, убеждает князя отказаться от этого решения (N 1).

В рассказах N 3-4 сообщается еще об одном визите Конфуция в Ци. Повидавшись с Цзин-гуном, он не пожелал встречаться с Янь-цзы, и на вопрос циского князя (N 3), а по другой версии (N 4)

- своего ученика Цзы-гуна, почему он так поступил, сказал: "Я слышал, что Янь-цзы служил трем государям и всем трем сумел угодить. Поэтому я сомневаюсь в его человеческой сущности" (цз. 8 N 4, с.501). Янь-цзы достойно отвечает на этот упрек, и Конфуций признает несправедливость своего обвинения (цз.8 N 4) (см.также цз.7 N 27).

Упомянутые рассказы представляют наибольший интерес в этой цзюани. Что касается прочих, то по своему сюжету, по тем репликам, которые произносит Янь-цзы, они мало чем выделяются на фоне предыдущих цзюаней, повторяя то, что уже происходило раньше, то, о чем уже было сказано. Исключение составляют, пожалуй, последние четыре рассказа (цз.8 N 15-18). Хотя Янь-цзы в них не фигурирует, эти рассказы непосредственно связаны с ним. Их тема - память о нем и благоговение перед ним современников. Так Чжуан-гун умирят восставших, сказав, что Янь-цзы - в Ци и не покинул государство (N 15). Рассказы N 16-17 - это своеобразный панегирик Янь-цзы, вложенный в уста Цзин-гуна, который скорбит о смерти своего министра. Наконец, действие последнего рассказа происходит уже после того, как Янь-цзы умер. Советник Сянь Чжан увещевает князя, и Цзин-гун признает его правоту, ибо Сянь Чжан рассуждает и действует, как Янь-цзы (N 18). Этим признанием непреходящего авторитета циского мудреца и заканчивается ЯЦЧЦ.

4

Число критических суждений о ЯЦЧЦ весьма велико, и статус ее в традиционной историографии далеко не однороден. В течение двух тысяч лет высказывались самые различные точки зрения⁹, но это не привело к окончательному разрешению существующей проблемы. Мы не ставим задачей показать все известные нам воззрения на ЯЦЧЦ и намереваемся только определить круг вопросов, которые связывались с этой книгой. Среди всех мнений, довольно многочисленных и разноречивых, можно выделить несколько наиболее авторитетных. Именно к ним

Л.Сторчевой. Янь-цзы чуньцю

мы будем обращаться в дальнейшем, и поэтому позволим себе для удобства объединить их в следующую таблицу.

Название	Автор	Кол-во разделов текста	Аутент. (+ / -)	Время создания (в.до н.э.)	Филос. направл.
1. Лю Сян (77?-6 до н.э.) (20, предисл., с.49-50)	ЯЦ	Янь Ин	8 пяней	+ 6	конф.
2. Бань Гу (32-92) (5, цз.30, с.140)	ЯЦ	Янь Ин	8 пяней	+ 6	конф.
3. Чансунь У-цзи (?-659) (15, цз.3, с.71)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	7 цзюаней	+ 6	конф. моизм
4. Лю Цзун Юань (773-819) (11, цз.4, с.9)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы		+ 5-3	
5. Лю Сюй (887-946) (10, цз.47, с.1)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	7 цзюаней	+ 6	конф.
6. Ван Яо-чэнь (1001-1059) (7, цз.3, с.127)	ЯЦЧЦ	первонач.: Янь Ин	первонач.: 8 пяней ныне 12 цз.	- 6	конф.
7. Чао Гун-у (?-1171) (16, цз.9, с.261)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы	12 цзюаней	5-3	моизм
8. Чэнь Чжэнь-сунь (1190-1249) (19, цз.9, с.261)	ЯЦЧЦ	Янь Ин(?)	12 цзюаней		6(?) конф.
9. Цзяо Хун (1541-1620) (14, цз.4, с.1014, с.1148)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы	12 цзюаней	+ 5-3	моизм
10. Хун Лян-цзи (1746-1809) (20, с.70, 607-608)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	8 цзюаней	+ 6	собств. учение Янь-цзы
11. Сунь Син-янь (1753-?) (20, с.639-642)	ЯЦЧЦ		8 цзюаней	+ 5-3	конф.
12. Гуань Тун (1780-1831) (20, с.630)	ЯЦЧЦ	первонач.: Янь Ин		- 6	моизм
13. Лю Ши-пэй (1884-1919) (20, с.601-602)	ЯЦЧЦ		8 цзюаней	- 6	не моизм

Л.Сторчевой. Янь-цзы чуньцю

14. Янь Янь	ЯЦЧЦ	8 цзюаней	+ 5-3	
(20,с.618-624,с.635-636)				
15. Р.Уолкер (22)	ЯЦЧЦ	не Янь Ин 8 цзюаней	+	ок.400 г.
16. Гао Хэн (9)	ЯЦЧЦ	не Янь Ин 8 цзюаней	+	5-3 конф., моизм
17. У Цзэ-сюй	ЯЦЧЦ	Чуньюй Юэ 8 цзюаней	+	3-2 конф., моизм
(20,предисл.,с.17-23,30)				

Начнем с названия. То обстоятельство, что в библиографических разделах династийных историй упоминается два варианта названия (5), (15), и более того, по-разному определяется количество глав в книгах с тем и другим названием, заставило сунского Ван Яо-чэня предположить, что существовало два сочинения о Янь-цзы, одно из которых было утеряно, а другое - написано позже. Нам думается, что самих по себе этих оснований еще недостаточно, чтобы утверждать наличие двух книг. Слово "Чуньцю" ("Весны и осени") могло быть добавлено позже в название первоначального текста. В этой связи интересное пояснение дается Чэнь Чжи-цзэ, цитируемым гоминьдановским ученым Янь Янем (20, с.618). Чэнь Чжи-цзэ указывает, что название "Чуньцю" употребляется в трех случаях: во-первых, когда книга повествует о деяниях какого-либо одного человека. Примером тому сама ЯЦЧЦ. Во-вторых, когда в книге собраны высказывания целой философской школы ("Весны и осени господина Люя"), ("Весны и осени" господина Юя") ("Люй-ши чуньцю", "Юй-ши чуньцю"). И, в-третьих, когда фиксируются события, произошедшие за определенный промежуток времени ("Чу Хань чуньцю" - "Весны и осени областей Чу и Хань"), "У Юэ чуньцю" - "Весны и осени областей У и Юэ"). В соответствии с этим определением классификатор "Чуньцю" мог быть добавлен, чтобы обозначить характер данной книги, ее жанр. Что касается столь значительных расхождений в количестве разделов (8 пяней, 7 цзюаней, 12 цзюаней), то это уже более серьезный аргумент в пользу того, что, говоря о ЯЦЧЦ, разные источники имеют в виду разные книги и что, следовательно, ныне известный текст не является подлинным. По этому поводу видный текстолог, издатель ЯЦЧЦ - Лю Ши-пэй предлагает следующее объяснение (цит.по : 20, с.635-636). В эпоху

Суй две части раздела "Разное", т.е. нынешняя 5 и 6 цзюани были объединены в одну, что и дало те семь цзюаней, которые упоминаются в (15). При Тан сохранялось такое членение текста (10), но было известно и старое разделение на восемь цзюаней. При Сун каждая из семи цзюаней за исключением "Внешней части" была поделена надвое, т.е. вместо структуры: "Увещевания" (2 ч.), "Вопросы" (2 ч.), "Разное" (1 ч.), "Внешний раздел" (2 ч.) появилось следующее: "Увещевания" (4 ч.), "Вопросы" (4 ч.), "Разное" (2 ч.) и "Внешний раздел" (2 ч.), что в сумме дало 12 цзюаней. Почему именно "Разное" было объединено в один раздел и почему именно "Внешняя часть" была обойдена вниманием при делении, Лю Шипэй не объясняет. Кроме того, 12 цзюаней, если следовать Лю Шипэю, должны быть более, чем неравномерны по объему, что также выглядит маловероятным. Однако эрудиция и авторитет этого ученого настолько велики, что мы не можем пренебрегать его мнением, какие бы сомнения оно у нас ни вызывало.

Оба рассмотренных вопроса, касательно названия и числа разделов текста - а также о его авторстве имеют, в основном, прикладное значение, являясь частью проблемы аутентичности ЯЦЧЦ и служа доказательством или опровержением подлинного происхождения этой книги. Некоторые исследователи видели это доказательство в другом. Цинский Гуань Тун, утверждая апокрифичность ЯЦЧЦ, обращается к "Жизнеописанию Гуань-цзы) и Янь-(цзы)" в "Записках историка (12, цз.62, с.2136). "Жизнеописания" фактически представляют собой рассказ о двух эпизодах из жизни Янь-цзы: о том, как он освободил Юэ Ши-фу и о том, как он пожаловал титул сановника своему кучеру (см.20, цз.5 N 24, 25). В "Заключении" Сыма Цянь объясняет свой выбор тем обстоятельством, что оба этих рассказа содержат неофициальные сведения о Янь-цзы; книга же его хорошо известна и потому не было необходимости говорить о ней (12, цз. 62, с.2136). Значит, прочитав книгу Янь-цзы, Сыма Цянь вполне справедливо решил не повторять то, о чем рассказывалось в ней, и просто дополнил биографию цинского мудреца новыми сведениями. Исходя из этого, Гуань Тун решил, что нынешний текст ЯЦЧЦ, в составе которого

имеются обе эти истории, не соответствует тексту, о котором говорил автор "Записок историка", а является апокрифом, составленным в эпоху Лючао (III-VI вв.).

У Гуань Туна нашлось много противников. Однако, если судить по той аргументации, которую они противопоставляют его доводам, далеко не все из них поняли, о чем же сказал их оппонент. Так, Янь Янь видит, в частности, опровержение словам Гуань Туна в следующем: на ЯЦЧЦ ссылаются некоторые лючаоские сочинения - такие, как "Кун-цзы цзя юй" ("Фамильные суждения о Конфуции"), Ван Су (195-256 гг.) или "Вэнь сюань" ("Избранная высокая словесность") Ли Шаня (?-689 гг.). Следовательно, в эпоху Лючао ЯЦЧЦ была уже известна (цит. по 20, с.624). В свою очередь, современный исследователь У Цзэ-юй, указывая на то, что многие ханьские книги: "Хань ши вай чжуань", "Шо юань", "Синь сюй" ("Новое установление") и т.д. - цитируют ЯЦЧЦ, восклицает: "Как же можно говорить, что это - лючаоский апокриф!" (20, предисл., с.18). Однако Гуань Тун, насколько мы можем судить, знал, что ЯЦЧЦ была известна до эпохи Лючао. В противном случае, разве появилась бы в его статье фраза: "ЯЦЧЦ, о которой говорили ханьцы, недолго имела хождение. Та книга, которая имеется сейчас, - не более чем поздний апокриф" (цит. по 20, с.630). Говоря об эпохе Лючао, Гуань Тун имел в виду, что в этот период был написан апокриф, а не оригинальный текст.

На основе некоторых текстологических данных вопрос об аутентичности книги обсуждался Сунь Син-янем и Гао Хэном. Сунь Син-янь (20, с. 639-642) сопоставляет фрагменты некоторых рассказов из ЯЦЧЦ и соответствующие им места из других сочинений, как например: "Цзо чжуань", "Шо юань", "Люйши чуньцю" и т.д. Указывая на многочисленные расхождения между ними, он полагает, что, если бы текст ЯЦЧЦ был поддельным, то он попросту зафиксировал бы имеющиеся версии данных рассказов и не отличался бы от них. На это же обстоятельство обращает внимание и Гао Хэн, который видит в нем одно из четырех доказательств того, что ЯЦЧЦ была написана в эпоху Чжаньго (9, с.51-52). Доказательство это было бы правомерно, однако, при

условии, что сами тексты сочинений, с которыми сопоставляется ЯЦЧЦ, не претерпели никаких изменений. Последнее представляется маловероятным. В конце концов, говоря о ЯЦЧЦ, исследователи постоянно указывают на те многочисленные изменения (пусть даже и не столь существенные), которые претерпел этот текст, и даже полагают, что он был в свое время утерян, а затем составлен заново. Вряд ли такая судьба была только у ЯЦЧЦ, и вряд ли всем прочим доханьским и ханьским книгам удалось избежать таких трансформаций и переделок. Заметим в этой связи, что в известном труде Чжан Синь-сэна (7) на предмет апокрифичности обсуждаются почти все сохранившиеся древние книги, в том числе и канонические. И если так, то обнаруживаемые расхождения между одними и теми же рассказами в редакциях ЯЦЧЦ, с одной стороны, и "Цзо чжуань", "Люйши чуньцю", "Хань ши вай чжуань", "Шо юань" и т.д. - с другой, еще не свидетельствуют в пользу аутентичности ЯЦЧЦ, а доказывают только то, что редакции этих рассказов могли иметь самостоятельное происхождение.

Текстологический анализ явился основой для датировки этого текста, предложенной американским синологом Уолкером (22), и затем У Цзэ-юем (20, предисл., с.17-23). Первый из них, рассмотрев упоминания в ЯЦЧЦ о каких-либо исторических событиях, имевших место в VI в. до н.э., обнаружил отсутствие свидетельства о совете удельных князей, проведенном в 546 г. до н.э. в государстве Сун. "Если бы текст ЯЦЧЦ был позднейшей подделкой, - пишет Уолкер, - мы могли бы ожидать, что автор вложил в уста Янь-цзы несколько слов относительно этого совета и причин, побудивших его не принимать в нем участия" (22, с.162). Другие доводы Уолкера носят менее конкретный характер и сводятся к тому, что социально-политический уклад Чуньцю, в том виде, в каком он описывается в ЯЦЧЦ, не соответствует формализованному изображению этой эпохи, утвердившемуся позже. Уолкер предполагает, что вероятнее всего, ЯЦЧЦ была создана два-три поколения спустя после смерти Янь-цзы, т.е. около 400 г. до н.э. - еще до того, как появилась "Цзо чжуань".

Суждения эти нуждаются, на наш взгляд, в более подробной аргументации. Что касается отсутствия упоминания о совете в Сун, то имя Янь-цзы не связывалось с ним и в более поздних сочинениях ("Ши цзи", "Шо юань", "Тай-пин юй лань"), авторы которых, повествуя о Янь-цзы, отнюдь не всегда следовали ЯЦЧЦ и потому могли дополнить его биографию, основываясь на каких-либо иных, неизвестных нам источниках. Вряд ли этого указания Уолкера достаточно для датировки ЯЦЧЦ. Скорее оно свидетельствует о том, что не всегда историческому тексту присуща та логика повествования, которую мы, спустя двадцать с лишним столетий, были бы вправе от него ожидать.

В свою очередь У Цзэ-юй, опровергнув все существующие точки зрения касательно авторства и времени написания ЯЦЧЦ, предложил собственную. Произведя анализ цитат из "Ши цзина", весьма часто встречающихся в тексте ЯЦЧЦ, он пришел к выводу, что в ЯЦЧЦ "Ши цзин" представлен в редакции Мао Хэна. Следовательно, ЯЦЧЦ была составлена несколько позже "Мао Ши" - "Ши цзин" в редакции Мао (20, предисл., с.19), т.е. после возникновения империи Цинь (20, предисл., с.23). Исходя из того, что в тексте ЯЦЧЦ несколько раз упоминаются исключительно цисские реалии, как например, музыкальный инструмент "фоу", У Цзэ-юй считает, что эта книга была написана цисцем (этой же точки зрения придерживается и Гао Хэн (9, с.60). Дальнейшие его рассуждения сводятся к следующему. В эпоху Чжаньго при дворах удельных князей высоко ценились ученые-советники, как правило приходившие из другого государства. После объединения Китая под властью Цинь они переметнулись ко двору Ши-хуана в Сянъян, где пользовались авторитетом в вопросах правления. Некоторые из них писали книги об управлении государством. К числу таковых относится и ЯЦЧЦ. В "Анналах Ши-хуана" (12, цз.6) говорится об ученом из Ци, фамилия его - Чунь-юй, а имя - Юэ, увещевавшем императора. На основании всего этого У Цзэ-юй делает вывод, что ЯЦЧЦ была написана Чуньюй Юэ после объединения Китая под властью циньского Ши-хуана (20, предисл., с.23).

При всей последовательности этих суждений они выглядят не столь уж неуязвимыми. Датировка текста и, как следствие, установление его авторства основаны, в конечном счете, лишь на одном факторе - на отождествлении цитат из "Ши цзина". Но этот аргумент не представляется убедительным, хотя бы потому, что мы лишены возможности сопоставить цитаты из "Ши цзина" в редакции Мао Хэна с редакцией, существовавшей ранее. Ведь "Ши цзин" был известен за несколько столетий до рождения Мао Хэна - еще в тот период, когда согласно первым библиографиям (5, цз.30), (15, цз.3), Янь-цзы написал свою книгу. Мы не знаем, какой именно "Ши цзин" цитировал Янь-цзы, но нам известно, что текст ЯЦЧЦ подвергался интерполяциям как на уровне глав (рассказы о Юэ Ши-фу и кучере Янь-цзы; цз.5, N 24, 25), так и на уровне отдельных рассказов (позже добавленные резюме Конфуция, Благородного мужа и Мо-цзы: цз.1 N 20, цз.3 N 2, цз.5 N 12, цз. 5 N 2, цз. 8 N 15 и т.д.). Уместно предположить, что и цитаты из "Ши цзина" со временем могли быть изменены или даже добавлены в текст.

Как видим, истина, если подводить итог дискуссии об аутентичности ЯЦЧЦ, так и не была окончательно установлена никем из исследователей. Бесспорным можно считать только следующее. Во-первых, современный текст ЯЦЧЦ не был написан Янь Ином, на что указывают эпизоды, повествующие о событиях, имевших место после его смерти (цз.1 N 11, 18; цз.8 N 16-18 и т.д.). Во-вторых, ныне известная книга - не та, которая была прочитана Сыма Цянем. В последней недоставало двух рассказов (цз.5 N 24, 25), о чем упоминает Сыма Цянь, но затем они были добавлены в текст. В-третьих, Хуан И-чжоу указывает, что пять пяней ЯЦЧЦ из библиотеки Великого историка, о которых говорит Лю Сян (20, предисл., с.49), и составляли книгу, известную автору "Записок историка", и что именно они были положены в основу редакции Лю Сяна (цит. по 20, с.631-632). Эта точка зрения вряд ли может быть опровергнута. В-четвертых, после конца эпохи Хань и вплоть до эпохи Юань (XIII-XIV вв.) редакция Лю Сяна неоднократно претерпевала изменения. Об этом свидетельствуют и различия в

определении количества глав книги. В-пятых, нынешний текст ЯЦЧЦ соответствует тексту, известному при Юань. Хотя юаньский ксилограф не сохранился, нам известно, что он не отличался от минского издания (XVI в.), дошедшего до нашего времени (20, предисл., с.43). Вот те факты, которые мы можем вынести из дискуссии об этой книге. Все остальное лежит в сфере предположений, одни из которых могут показаться более правомерными, другие - менее, но и только: все они остаются бездоказательными. Однако интуиция китайских начетчиков, их мнения должны играть в синологии отнюдь не последнюю роль, и здесь мы вправе оказать предпочтение какому-либо из них. На этом уровне можно было бы говорить о том, что основу современного текста ЯЦЧЦ составляют пять пяней книги из библиотеки Великого историка, написанные, вероятно, в эпоху Чжаньго. Этим определяется аутентичность данного сочинения.

Другая часть проблемы касалась философского содержания ЯЦЧЦ - того, конфуцианским или моистским по направленности является этот текст. Вслед за Лю Сяном, считавшим ЯЦЧЦ конфуцианским сочинением, библиографии "Хань шу и вэнь чжи" (5, цз.30) и "Суй шу цзин цзи чжи" (15, цз.3) относили эту книгу к классу "Конфуцианцы" раздела "Философы".

В IX в. танский Лю Цзун-юань, объявил несостоятельной точку зрения Лю Сяна и Бань Гу, полагая, что ЯЦЧЦ была написана цисцем - учеником Мо-цзы. "Мо-цзы ценил умеренность, - пишет Лю Цзун-юань, - и Янь-цзы прославился в мире благодаря своей умеренности. Посему последователи Мо-цзы увековечили его деяния, в глубоком почтении объявив (книгу) его собственным творением. Здесь многочисленны призывы к почитанию единства (шан тун), всеобщей любви (цзянь ай), отказу от музыки (фэй юэ) и ограничению потребностей (цзе юн), упразднению пышных похорон и долгого траура (фэй хоу цзан цзю сан), все это - от Мо-цзы. Кроме того, (реплики) против Конфуция, любовь к суждениям о делах духов, отрицание конфуцианства и духовидение - это также от Мо-цзы... Часто говорится и о том, что Мо-цзы услышал об учении (Янь-цзы) и восхитился им... Если бы составителем книги

был не писец, он не смог бы собрать деяния (Янь-цзы). если бы он не был учеником Мо-цзы, то речи его были бы иными. В дальнейшем, составляя каталоги философских книг, следует относить это сочинение к классу "Моисты". Но это не означает, что Янь-цзы был моистом, просто тот, кто составлял книгу, следовал учению Мо-цзы" (11, цз.4, с.9).

У Лю Цзун-юаня было немало сторонников (Сюэ Цзи-сюань, 1125-1173 (20, с.602); Ван Ин-линь, 1222-1296 гг., (20, с.604); Чао Гун-у (6, цз.3, с.24)) и много противников (Ван Мин-Шэн, 1722-1798 гг. (6, цз.14, с.215); Сунь Син-янь (20, с.639-642); Янь Янь (20, с.620-623)), но, пожалуй, наибольшая часть исследователей не высказывалась ни категорически "за", ни категорически "против" суждений Лю Цзун-юаня, признавая либо наличие моистского субстрата в тексте ЯЦЧЦ, либо синкретический характер суждений Янь-цзы)Гэ Сяо(20, с.608-615); Хун Лян-цзи (20, с.6-7-608), Лин Ян-гао (1760-1845) (20, с.606-607), Чжан Чунь-и (18, т.4, предисл., с.1-2); Гао Хэн (9, с.60); У Цзэ-юй (20, предисл., с.30). Среди последних были ученые, которые шли дальше тезиса о синкретическом характере текста (например, Хун Лян-цзи) и утверждали, что Янь-цзы излагал свое собственное оригинальное учение, впоследствии частично заимствованное и конфуцианцами, и моистами (цит. по 20, с.608).

В самом деле, вопрос об идейной направленности ЯЦЧЦ решается весьма неоднозначно. Нигде в тексте не упоминаются напрямую моистские принципы "всеобщей любви" и "почитания единства". Поэтому утверждения Лю Цзун-юаня о том, что в ЯЦЧЦ "многочисленны призывы" к ним, звучат для нас столь же аргументировано (или столь же неаргументировано), как возражения Янь Яня, который, ссылаясь на Хань Юя, доказывал, что оба этих принципа, впрочем, как и принцип "почитания мудрости", и духовидение, могут быть найдены и у Конфуция (цит.по 20, с.623). Более того, Лю Ши-пэй (20, с.601-602) в тех рассказах, которые могли бы быть истолкованы как рассказы, подтверждающие наличие духовидения в учении Янь-цзы, увидел совершенно обратное, объявив, что они содержат противоречие

моизму (см.10, цз.1 N 15, 21). В противовес этому, Гэ Сяо считал несомненным, что в ЯЦЧЦ имеются рассказы, написанные в ярко выраженном моистском духе, и приводил в пример, в частности, цз.1 N 17, где Янь-цзы во время прогулки по горе Ньюшань убеждает князя в неизбежности и закономерности смерти (цит. по 20, с.612). Думается все же, что более правы те, которые не отказывают рассказам о духах, вошедшим в ЯЦЧЦ, в праве на исключительность, ибо рассказы эти далеко не единичны (из еще неназванных упомянем цз.1 N 22, цз.6 N 3, 6) и в совокупности своей определяют весьма характерную черту в литературном портрете Янь-цзы.

Лю Цзун-юань приписывает Янь-цзы "отказ от музыки" и "упразднение пышных похорон и долгого траура". Действительно, музыка и похоронный обряд составляют тему некоторых из "Увещаний". Так, в цз.1 N 5, где описывается поведение Цзингуна, решившего внять советам Янь-цзы, и изменить стиль своего правления, говорится: "Никто больше не доставал лютни и цитры и не расставлял барабаны и гонги" (цз.1 N 5, с.14); затем сообщается об изгнании певцов и танцоров из страны. В цз.1 N 6 Янь-цзы корит князя за то, что тот всю ночь внимал новым мелодиям, исполнявшимся для него искусным певцом - неким Юем, и не явился на аудиенцию. Однако порицания Янь-цзы вызваны не тем, что Цзингун слушал песни, а тем, что он слушал новые их вариации и, таким образом, способствовал тому, чтобы традиционная цискакая музыка была изменена и забыта. "Если гибнет музыка, - говорит Янь-цзы, - то церемонии следуют за ней. Когда гибнут церемонии, за ними следует правление. когда гибнет правление, за ним следует государство" (цз.1 N 6, с.24). И именно стремлением сохранить традицию, что определяет и постоянные его апелляции к древности, к деяниям совершенномудрых государей, характеризуется отношение Янь-цзы к музыке. Вряд ли в этом можно увидеть моистский принцип "отрицания музыки".

Что касается похоронного обряда, то установить отношения Янь-цзы к нему гораздо сложнее. Укажем в этой связи лишь на несколько сюжетов из 2-й цз., посвященных этой теме⁷ Судя по их

заголовкам: "Цзин-гун хочет устроить Лян Цю-цзюю пышные похороны; Янь-цзы увещевает" (цз.2 N 22), "Цзин-гун хочет похоронить своего гончего пса со всеми церемониями, как человека; Янь-цзы увещевает" (цз.2, N 23), можно ожидать, что здесь-то Янь-цзы и будет ратовать за отказ от похорон. Однако в первом случае увещевания его направлены не против похорон вообще, а против пышных похорон Лян Цю-цзюю - чиновнику, развращавшему лестью государя и этим наносившему вред стране. Наверное, и в другом рассказе неправомерно будет усмотреть подтверждение моистской концепции, ибо вряд ли даже Конфуций одобрил бы стремление устроить погребальный обряд гончому псу. Скорее всего то, что Лю Цзун-юань назвал "упразднением пышных похорон и долгого траура", существует лишь, соотносясь с принципом "ограничения потребностей", который проявляется во всех действиях и суждения Янь-цзы. Как никакой другой этот принцип определяет специфичность наставлений Янь-цзы и те рассказы, где он выражен наиболее ярко, составляют одну из самых значительных тематических групп ЯЦЧЦ (см.цз.2 N 5-9, 11-18; цз.6 N 15-26 и т.д.).

Высказывания против Конфуция и конфуцианства, наличествующие в ЯЦЧЦ, - это несомненно, серьезный аргумент в пользу слов Лю Цзун-юаня. На отношения между Янь-цзы и Конфуцием литераторы обращали внимание еще задолго до Лю Цзун-юаня. Суждения этих двух философов друг о друге рассматриваются в "Кун цун цзы" ("Философы семьи Кун"), в гл. "Цзе Мо" - "Комментарий на Мо-цзы" (4, т.1, "Кун цун цзы, Цзе Мо, с.2а). Довольно удачно подобранные отрывки из рассказов о Янь-цзы (рассказы цитируются со ссылкой на Мо-цзы, но в современном тексте Мо-цзы отсутствуют; несколько иные их редакции содержатся в ЯЦЧЦ: цз.4 N 29, цз.7 N 24; цз.8 N 3-5) доказывают противоречивость отношений между Конфуцием и Янь-цзы (разумеется, в том виде, в каком отношения эти представлены в тексте). Говоря о том, как Конфуций прибыл в Ци и не захотел видеть Янь-цзы, и комментируя реакцию Янь-цзы на этот поступок Конфуция (см.20, цз.8 N 3-4), автор "Кун цун цзы"

воскликает: "Как же так? Конфуций и Янь-цзы бранили друг друга. Это характерно для людей низких, но неприемлемо для благородных мужей!" (4, т.1 "Кун цун цзы", "Цзе мо", с.2а). Когда Конфуций узнал о достойном ответе Янь-цзы Лян Цю-цзюю, спросившему, как Янь-цзы сумел служить трем государям, он сказал: "Ученики, запомните это! Янь-цзы одним сердцем служил трем государям. Он - благородный муж" (там же) (см. также 20, цз.7 N 27). "Янь-цзы также говорил: "Ин Чэн-куан¹⁰ - сын, почтительный к своему отцу, младший брат, почтительный к своему старшему брату. В свое время его отец был учеником Конфуция. "Если ученик считается достойным, то и учитель его не никчем. Из этого можно заключить, что и Янь-цзы восхвалял Конфуция" (там же).

Еще больше споров вызвал рассказ из ЯЦЧЦ (цз.8 N 1), повествующий о том, как Цзин-гун хотел пожаловать Конфуция уделом Эрци (по другим версиям: Ниси), но, следуя уговорам Янь-цзы, изменил свое решение. Своей критикой Янь-цзы выносит приговор Конфуцию и всем конфуцианцам вместе с ним: "Будучи высокомерным и пренебрежительным, он следует только самому себе, а (такой человек) не сможет просвещать низы. Пристрастием к музыке он расхолаживает народ, а (такой человек) не может заниматься управлением. Утверждая волю (неба), он ленив в делах, а (такой человек) не может радеть о службе. Пышными похоронами он разоряет народ и обедняет государство; соблюдая долгий траур, он пребывает в печали и попусту тратит время, а (такой человек) не может заботиться о народе" (цз.8 N 1, с.491).

Этот рассказ дал основание Хун Лян-цзи (20, с.605) и Лин Ян-цзао (20, с.606) утверждать, что ЯЦЧЦ нельзя считать конфуцианским сочинением. В противовес этому, Ван Мин-шэн (1722-1798 гг.) (6, цз.14, с.215) и Сун Син-янь (20, с.641) считали, что история о несостоявшемся пожаловании уделом является позднейшей подделкой и потому была включена Лю Сяном во "Внешний" раздел. Заметим, что процитированный рассказ вошел и в "Мо-цзы" (в гл."Фэй жу" - "Против конфуцианцев" (4, т.5, "Мо-цзы", цз.9, с.6б). Там же содержится еще один рассказ на эту тему.

Выпады Янь-цзы против Конфуция выглядят здесь более резкими и непримиримыми (там же), однако в ЯЦЧЦ данный рассказ отсутствует. Если эти сюжеты были сочинены уже после того, как появился основной текст ЯЦЧЦ, и по этой причине вошли во "Внешний" раздел, резонно было бы ожидать увидеть в ЯЦЧЦ оба сюжета, а не один из них. Но, невзирая на этот довод, следует признать, что рассказ цз. 8 N 1 значительно отличается по языку, тематике и той роли, которую в нем играет Янь-цзы, от большей части рассказов ЯЦЧЦ. Это не свидетельствует в пользу его аутентичности, но и не доказывает обратного.

Таковы основные вехи дискуссии об этой книге. В целом же число суждений, когда-либо высказанных о ЯЦЧЦ, неизмеримо больше. Однако мы позволим себе увеличить его, сделав еще несколько замечаний.

5

Обилие точек зрения на ЯЦЧЦ, их разноречивость, взаимные обвинения исследователей в несостоятельности аргументов - все это в основном определяется неоднородностью ЯЦЧЦ. Противоречия, содержащиеся в тексте, в значительной степени, объясняются внеисторичным характером повествования ЯЦЧЦ. Название книги - "Весны и осени Янь-цзы", т.е. "Летопись Янь-цзы" (см. с.27 данной работы) не означает, что описываемые события описаны в строго хронологической последовательности (более того, в тексте нет ни одной даты), но мы вправе хотя бы ожидать, что все представленные здесь деяния Янь-цзы соответствуют действительности. Однако ЯЦЧЦ не только не летопись в нашем понимании. Порой в тексте прослеживается ярко выраженный анахронический принцип повествования, и анахронизм этот, возможно, задан сознательно. Многократные повторения одних и тех же событий, несоответствия фактов, гиперболизация отрицательного или положительного - все это определяет неисторичность повествования ЯЦЧЦ. Так, в книге многочисленны

рассказы о строительстве Цзин-гуном дворцовых апартаментов. Строительство оборачивается для народа тяжелыми повинностями и податями, и потому Янь-цзы призывает князя отказаться от задуманного дела. Он добивается того, что Цзин-гун останавливает сооружение Великой башни (цз.2 N 5) и Длинных палат (цз.2 N 6). В цз. 2 N 20 сообщается о том, что Янь-цзы убеждал своего государя позволить некоему Пан Юй-хэ подхоронить свою мать к могиле своего отца. Поскольку могила находилась на месте сооружаемой башни Великих покоев, фундамент которой был уже возведен, стало необходимым прекратить строительство, и князь согласился на это. Тем не менее, в цз.2 N 11 и в цз.5 N 6 говорится, что башня была возведена, и Цзин-гун вознамерился украсить ее еще колоколом (цз.2 N 11), однако Янь-цзы отговорил его. В другом рассказе колокол все-таки устанавливают (цз.2 N 12). Неправдоподобие всех перечисленных примеров состоит не в том, что Цзин-гун многократно затевал и прекращал строительство башни, а в неестественно частой повторяемости ситуации, когда Цзин-гун, соглашаясь с доводами Янь-цзы о том, сколь тяжелым для народа будет это дело, отказывается от своих планов, но лишь затем, чтобы вновь вернуться к ним. Точно также циский князь, внимая поучениям Янь-цзы, раскаиваясь в своих поступках (цз.1,2, 5, 6) и расспрашивая о нормах правильного поведения (цз.2 N 25), все равно непрерывно отступает от них и вновь, словно в первый раз, недоумевает, почему Янь-цзы укоряет его.

Маловероятной выглядит последовательность событий, описанных в рассказах цз.1 N 17, 18. Действие первого из них происходит во время прогулки князя по горе Ньюшань. Цзин-гун скорбит о неизбежности грядущей смерти, и Янь-цзы увещевает его, говоря: "Лишь потому, что другие попеременно занимали престол и теряли его, он и достался Вам" (цз.1 N 17, с.633). Во втором рассказе во время прогулки по холму Гунфу князь трижды дает Янь-цзы повод для увещевания. Сначала князь восклицает: "О! Если бы издревле не было смерти!" (цз.1 N 18, с.65). Ответные суждения Янь-цзы близки теме предыдущего рассказа; не случайно в "Ле-цзы" (4, т.8, "Ле-цзы", гл.6, с.76) оба эти сюжета объединены в

один. Пораженный правотой Янь-цзы, князь стыдится своих слов. Через некоторое время, радуясь приезду Лян Цю-цзюя, он говорит: "Цзюй находится в согласии со мной" (цз.1 N 18, с.66). Вновь заблуждение, и вновь Янь-цзы наставляет князя, убеждая его в том, что Лян Цю-цзюй лишь потворствует государю, а потворство - это отнюдь не согласие. В тот же день Цзин-гун допускает и третью ошибку; увидев комету, он велит Бо Чан-цяню молиться о предотвращении зла, но Янь-цзы советует не делать этого и призывает Цзин-гуна улучшить правление в государстве. Вряд ли все три события имели место в течение одного дня во время одной и той же прогулки. Это тем более невероятно, что в ЯЦЧЦ описываются другие эпизоды, схожие с данными тремя, но происходят они при иных обстоятельствах и независимо друг от друга (о смерти и бессмертии: цз.1 N 10, о Лян Цю-цзюе: цз.7 N 5; о комете и молениях Бо Чан-цяня: цз.6 N 4, цз.7 N 3, 6).

Столь же внеисторично выглядит иногда и описание политического положения в Ци. Негуманное правление Цзин-гуна которое ведет к падению авторитета княжеского дома и ухудшению жизни низов, составляет тему большей части увещеваний Янь-цзы. Упоминания о нищенствующем положении народа, злом самодурстве Цзин-гуна, о возвеличивании им льстецов и принижении честных чиновников - повсеместны в ЯЦЧЦ (цз.1 N 7, 8, 11, 19, 20; цз.2 N 1-4 - т.д.). Многие эпизоды свидетельствуют о непомерном числе казней, введенных Цзин-гуном. В одном из них (цз.6 N 2) Янь-цзы, отвечая на вопрос князя, что на рынке в цене и что дешево, говорит, что особо ценятся туфли для людей, которым по приказу Цзин-гуна отрубили ступни ног. Устыженный, князь стал прибегать к этому наказанию гораздо реже. Данный рассказ содержится и в "Цзо чжуань" (21, "Чжао", 3, с.586, 589), и еще раз доказывает, что жестокие методы правления Цзин-гуна - факт исторический. Они определяли политику этого монарха, приведшую к тому, что власть в Ци перешла в руки рода Тянь (Чэнь). Предвидя такой исход, Янь-цзы неоднократно предостерегал князя против Тянь, призывая, пока не поздно, изменить что-либо в государстве (цз.1 N 1, цз.4 N 15).

Утопичными предстают на этом фоне утверждения, что в Ци воцарилось справедливое правление и народ пребывал в радости (цз.1 N 2, с.6; цз. 2 N 22, с.161; цз.3 N 6, с.180). Правда, они немногочисленны в ЯЦЧЦ.

Далее, хронологическая протяженность того или иного события, описываемого в ЯЦЧЦ, неизменно определяется тремя годами. В течение трех лет строится башня Великих покоев (цз.2 N 7, с.115; цз.5 N 6, с.30), три года пребывает слугой благородный муж Юэ Ши-фу (цз.5 N 24, с.359), все те же три года Янь-цзы управляет областью Дунъя, но не может навести там порядок. Князь дает ему еще три года, и на этот раз Янь-цзы добивается желаемого. А еще через тот же срок в Ци наступает процветание (цз.5 N 4). Такая периодизация, конечно же, условна.

Условен и сам образ Янь-цзы, представленный в ЯЦЧЦ. В нем словно соединено несколько различных персонажей, однако негармоничность такого соединения довольно очевидна. Между Янь-цзы, рассуждающим на отвлеченные этические темы, и Янь-цзы, состязующимся в остроумии с чуским царем, лежит целая пропасть. И это ощущается не только в характерах персонажей, но и в неоднородности языка рассказов. На это обращали внимание Гао Хэн (9, с.60) и У Цзэ-юй (20, предисл., с.37-38). Последний сопоставляет два сюжета из "Разного" (цз.6 N 7 и цз.5 N 13). В первом из рассказов повествуется о том, как у Цзин-гуна вскочил на спине фурункул и князь велел двум своим придворным - Гао-цзы и Го-цзы осмотреть больное место. Оба они исполнили поручение, сказав, что фурункул горяч, как огонь; по цвету напоминает неспелую сливу, величиной - с боб, а длиной - с головку обуви. Затем приходит Янь-цзы и оказывается, что нарыв у князя горяч, словно солнце, цветом подобен лазоревому нефриту, величиной с яшмовый диск, а длиной - со скипетр". "Не увидев благородного мужа, - говорит Цзин-гун, - не поймешь, что такое невежество мужланов" (цз.6 N 6, с.386). Однако в обязанности первого министра не входило осматривать болячки государя, и Янь-цзы, будучи ревнителем церемоний, не мог допустить каких-либо отступлений из ритуала. Поэтому в другом рассказе (цз.5 N

13) он отказывается принести Цзин-гуну одежды и горячую пищу, говоря, что он - не слуга у княжеской циновки, а слуга престола и народа. "Образ Янь-цзы, представленный в данных двух рассказах, - это два разных человека", - справедливо замечает У Цзэ-юй (20, предисл., с.38).

Разумеется, не все события, о которых сообщают нам древнекитайские памятники, и ЯЦЧЦ в том числе, имели место в действительности. Но и события выдуманные могут быть изложены последовательно. Единство атрибуции фактов, даже если к таковым относится общение с духами, определяет для нас их историческую или литературную достоверность. Известная внеисторичность повествования ЯЦЧЦ, синкретичность образа Янь-цзы указывает на то, что эта книга была задумана как компендиум сюжетов о Янь-цзы, имеющий целью собрать все или почти все рассказы о нем, пусть даже противоречащие друг другу и имеющие самое различное происхождение.

Эта изначальная эклектичность ЯЦЧЦ явилась причиной большого числа разногласий, в частности, причиной того, что одни видели в Янь-цзы моиста, другие - конфуцианца. Можно было бы даже сказать, что в споре среди исследователей ЯЦЧЦ не было правых и виноватых, но были лишь те, кто видели какую-либо одну сторону текста, воспринимая его с какой-то одной позиции. Причина такой неадекватности восприятия лежит в области методологии. ЯЦЧЦ, как, наверное, и любой древний текст - явление неоднозначное, сложившееся в результате многочисленных внешних воздействий. Нам думается, что понять этот текст можно, разграничив два подхода к его изучению. Первый состоит в восприятии книги такой, как она есть. При данном подходе ЯЦЧЦ должна рассматриваться как литературное явление. Метод подобного изучения носит, скорее, дескриптивный характер. ЯЦЧЦ будет представлять для нас цельное литературное произведение - со всей типологией сюжетов, своим языком и специфической системой взглядов. В этом случае нам будет достаточно верить (имея для этого определенные основания) в то, что текст имеет доханьское происхождение, и знать, что в

суждениях Янь-цзы есть общее с конфуцианством, моизмом и, возможно, еще с каким-либо другим учением, не пытаюсь при этом установить, какие из рассказов ЯЦЧЦ были написаны раньше, и какие позднее. Все противоречия, обнаруживаемые в книге, перестанут быть таковыми. Резюме Мо-цзы, который родился уже после смерти Янь-цзы, и потому не мог быть современником тех событий, на которые он откликнулся, и резюме Конфуция, также написанные после того, как появились рассказы, к которым они были добавлены, только увеличивают наш интерес к ЯЦЧЦ. Ведь важно будет не то, что эти пассажи имеют позднейшее происхождение, а то, что в тексте представлена оценка деяний Янь-цзы, данная двумя другими знаменитыми мыслителями-основателями двух столь разных философских школ. Иной смысл будет присущ и самому образу Янь-цзы. Тот Янь-цзы, который изображен в ЯЦЧЦ, станет Янь-цзы историческим. тогда все его, казалось бы, противоречивые поступки окажутся правомерными. Этот Янь-цзы будет вправе давать неоднозначные оценки Конфуцию, исполнять обязанности, не соответствующие его титулу (цз.6, No.7), являться с визитом к ускуму царю Фу Ча (цз.6, No.8), который пришел к власти после его смерти. В рамках этого обобщенного образа политические диалоги Янь-цзы, его увещевания и анекдоты, в которых он является главным действующим лицом, предстанут как нечто единое и достоверное.

При втором возможном подходе ЯЦЧЦ будет рассматриваться как явление историческое. Аналитический метод исследования,сопутствующий этому подходу, предусматривает прежде всего, разграничение двух предметов изучения - Янь-цзы и ЯЦЧЦ. Этот путь был продемонстрирован в предыдущей нашей статье (За)¹¹. Конечной его целью явилось, с одной стороны, восстановление образа исторического Янь-цзы, для чего в тексте были определены рассказы, фиксирующие реальные факты его биографии, а с другой стороны - определение аутентичных частей ЯЦЧЦ, атрибуция и датировка позднейших добавлений в книгу. Этот подход к изучению ЯЦЧЦ основывается

на том, что ЯЦЧЦ - неоднородный в смысле аутентичности текст, чжоуское происхождение которого не является аксиоматичным, и на том, что Янь-цзы, изображенный в ЯЦЧЦ, фигура нереальная, художественная модель. Вышесказанное не содержит в себе ничего существенно нового. Противопоставление Янь-цзы и ЯЦЧЦ можно найти еще у Лю Цзун-юаня, писавшего: "не...Янь-цзы был моистом; просто тот, кто составлял книгу, следовал учению Мо-цзы." (11,цз.4,с.9), признавая тем самым, что исторический Янь-цзы не во всем соответствовал Янь-цзы, представленному в ЯЦЧЦ.

Каким же образом разрешить выдвигаемые при данном подходе проблемы? Если говорить об определении хронологической неоднородности частей ЯЦЧЦ, то наиболее перспективным нам представляется лингвистический анализ текста. В этой связи укажем на заслуживающую серьезного внимания работу А.М.Карапетьянца (1), статистическим методом доказавшего разнородность языка "Го юй"¹². Определение же историчности образа Янь-цзы может быть достигнуто сопоставлением всех упоминаний о нем, встречающихся в древнекитайских памятниках, анализом его философских рассуждений.

Изучение ЯЦЧЦ следует осуществлять, идя двумя вышеуказанными путями. При этом какая-либо проблема может решаться и тем, и другим способом. Наше осмысление ЯЦЧЦ значительно обогатит синологию, ибо этот текст обещает дать много нового по самым различным отраслям китаеведческой науки. В целом исследование ЯЦЧЦ должно сосредотачиваться вокруг трех аспектов философского, исторического и повествовательного (перечислены они не по степени значимости, а произвольно).

Философский аспект ЯЦЧЦ характеризуют, прежде всего, многочисленные рассуждения Янь-цзы на различные этические темы: о долге правителя перед народом, о верности чиновника, о нормах церемониала и т.д. Такого рода рассказы больше всего представлены в "Вопросах" и "Увещеваниях", но и в других разделах

содержатся интересные пассажи, позволяющие судить не только об этике Янь-цзы, но и о его отношении к другим философским школам, что также весьма важно для реконструкции состояния идеологии эпохи Чжоу. Политические и экономические доктрины Янь-цзы также могут стать объектом специального исследования. Так, например, Ху Цзи-чуан в своей монографии уделяет экономическим взглядам Янь-цзы специальную главу. Весьма вероятно, что в ЯЦЧЦ представлено (непосредственно или в искаженном виде) одно из первых философских учений древнего Китая, возникшее еще до появления учения Конфуция.

ЯЦЧЦ может рассматриваться и как исторический памятник, как источник по истории эпохи Чуньцю и государства Ци в частности. Наше нынешнее представление о взаимоотношениях удельных княжеств, о событиях, произошедших в Ци в VI в. до н.э., о социально-политическом состоянии государств в ту эпоху значительно пополнится или даже изменится после пристального прочтения ЯЦЧЦ. До сих пор сведения об этом периоде синологи черпали, главным образом, из "Цзо чжуань", но, возможно, данные ЯЦЧЦ являются более ранними. В этой связи еще раз отметим, что, по мнению Уолкера (22, с.161-162), ЯЦЧЦ была написана еще до появления "Цзо чжуань". Однако даже если ЯЦЧЦ имеет позднее происхождение, в ее тексте могли быть отражены сведения из каких-либо не дошедших до нас древних книг. Необходимость же рассмотрения ЯЦЧЦ, как, впрочем, и любого другого чжоусского текста, в качестве исторического источника не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить, сколь интересны были результаты работ В.А.Рубина, блистательно использовавшего "Цзо чжуань" для исследования социальной истории периода Чуньцю (2)¹³.

Другое обстоятельство, которое определяет ценность ЯЦЧЦ в области исторических исследований, это то, что все повествование данной книги связано с государством Ци. Поэтому в тексте многочисленны фактические данные об уровне развития Ци и повсеместны указания на специфические детали циской культуры.

С повествовательным аспектом ЯЦЧЦ связаны проблемы, представляющие интерес для чистого литературоведения. Исследуя

ЯЦЧЦ с этой точки зрения, нужно описать типологию сюжетов текста, его композиционные структуры, приемы увещаний, приемы риторики персонажей и т.д.

Текст ЯЦЧЦ может быть, наконец, использован и в прикладных целях, составив материал лингвистического исследования. Подобный анализ пополнит, прежде всего, наши знания о древнекитайских диалектах и лексике древнекитайского языка.

Нам же в настоящей работе было важно лишь представить общие сведения о ЯЦЧЦ, дабы сделать этот в высшей степени интересный памятник достоянием отечественной синологии. Хотя мы далеки от того, чтобы переоценивать его значение, исследования ЯЦЧЦ, несомненно, помогут нашему пониманию культуры древнего Китая. И если кто-либо из исследователей обратит свое внимание на этот текст, мы сможем считать свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В рассматриваемый период год делился на два сезона: весна и осень. "Чуньцю" является иносказательным обозначением астрономического года, но имеет и более широкое значение: "Годы", "Эпоха", "Летопись".

1а) Из работ на западноевропейских языках укажем следующие:

Forke A. "Yen Ying. Statsmann und Philosoph, und das "Yen-tse Tch'un - tschu'iu" - "Asia Major", Hirth. Anniv. vol., 1923, pp. 101-144.

Forke A. "Geschichte der Alten Chinesischen Philosophie", Hamburg, 1927, pp. 82-97, где ЯЦЧЦ посвящен один раздел, представляющий собой краткое изложение вышеназванной статьи.

Walker R.L. "Some notes on the "Yen-tsu Ch'un-Ch'iu" (22), О существовании двух первых работ мы узнали из статьи Уолкера, но обе остались нам недоступны. Мы можем утверждать, что статьи Форке и Уолкера - единственные специальные исследования ЯЦЧЦ, появившиеся в западной синологии в период до 1953 г. и в 1955-1964 гг.

2) Подробнее об этом см. (36). Там же дается указание на местонахождение сюжетов о ЯЦЧЦ в данных и других источниках.

3) См. примеч. 8.

4) Ча (Янь-жу-цзы) был убит в 489 г. до н.э. на первом году своего правления. Ян-шэн (Дао-гун, 488-485 гг. до н.э.) был убит на четвертом году правления. Его преемник, старший сын Жэнь (Цзянь-гун, 484-481 гг. до н.э.) был

убит Тянь Чаном, который, став советником следующего князя - Ао (Пин-гун, 480-456 гг. до н.э.) захватил фактическую власть в Ци (12, цз.14, с.674-680).

5) Тянь Жан-цзюй имел при Цзин-гуне должность военачальника - сыма и потому больше известен под именем Сыма Жан-цзюй. Его биографию см. в "Ши цзи" (12, цз.64).

6) Рассказ цз. 5 No.24 см. (4, т.1, "Синь сюй", цз.7, с.4а), (4, т.5, "Люйши чуньцю", цз.16, с.2а), (12, цз.62, с.2135). рассказ цз.5 No.27 см. (4, т.1, "Шо юань", цз.6, с.4б), (4, т.5, "Люйши чуньцю", цз.12, с.1б).

7) Столица государства Ци, совр. пров. Шаньдун.

8) Согласно "Цзо чжуань" его фамилия - Чэнь. В "Ши цзи" она записывается как Тянь. В ЯЦЧЦ нашли отражение оба варианта, но наиболее распространенным является тот, который мы указали. Кроме того, этот же персонаж иногда фигурирует под своим прозвищем Тянь (Чэнь) Хуань-цзы.

9) Последовательно эта дискуссия изложена в (3).

10). Согласно версии ЯЦЧЦ его имя - Пэнь Чэн-гуа (20, цз.7, N 11). Фамильные знаки Ин и Пэнь схожи по написанию, а составные имени "куан" и "гуа" имеют сходное звучание.

11) Те из описываемых в ЯЦЧЦ событий, которые являются исторически достоверными, рассмотрены в (3а).

12) См. также: Карапетьянц А.М. Лингвистический анализ древнекитайского памятника "Речи царств". - Народы Азии и Африки. - 1968, N 6.

Карапетьянц А.М. К вопросу о лингвистической датировке древнекитайский памятников. - Ученые записки Тартуского государственного университета. - Вып.201. - Тарту, 1968.

13) См. также. Рубин В.А. "Цзо чжуань" как источник по социальной истории периода Чуньцю. а.к.д. - М., 1959.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ "ЯНЬ-ЦЗЫ ЧУНЬЦЮ"

ЦЗЮАНЬ I.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "УВЕЩЕВАНИЯ". Ч. I. 1-Я ПЯНЬ.

N 1. Чжуан-гун восхищается бесстрашием и силой и забывает о соблюдении справедливости. Янь-цзы увещевает (далее: ЯЦУ).

N 2. Цзин-гун (далее: ЦГ) допьяна напивается вином и хочет, чтобы его сановники перестали соблюдать церемонии. ЯЦУ.

N 3. ЦГ пьет вино и, находясь в запое, поднимается лишь через три дня. ЯЦУ.

№ 4. ЦГ семь дней пьет вино, не принимает слов Сянь Чжана. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ пьет вино. Не оказывает помощи пострадавшим от стихийных бедствий, но призывает ко двору искусных певцов. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ ночью слушает новую музыку и не является на аудиенцию. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ награждает тех, у кого нет заслуг, и наказывает тех, кто имеет собственное ведомство. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ доверяет клеветникам и берет на службу льстецов. В наградах и наказаниях теряет правоту. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ из любви к фаворитке идет на поводу у ее желаний. ЯЦУ.

№ 10. ЦГ приставляет учителей к пяти своим сыновьям и нарушает свое обещание. ЯЦУ.

№ 11. ЦГ хочет лишиться старшего сына Ян-шэна прав наследования и отдать трон Ча. ЯЦУ.

№ 12. ЦГ долго болеет и не поправляется. Хочет в знак извинения казнить заклинателя и историографа. ЯЦУ.;

№ 13. ЦГ приходит в гнев от того, что молитва жителя удела - наглая. ЯЦУ.

№ 14. ЦГ намеревается приказать чускому колдуну совершить подношения Пяти владыкам, дабы показать свою (княжескую) добродетель. ЯЦУ.

№ 15. ЦГ хочет совершить жертвоприношение горе Линшань и духу Реки, дабы вызвать дождь. ЯЦУ.

№ 16. ЦГ желает вкусить радость от долгого обладания государством. ЯЦУ.

№ 17. ЦГ поднимается на гору Ньюшань. Печалится, что покинет свою страну и умрет. ЯЦУ.

№ 18. ЦГ гуляет по холму Гунфу. За один день трижды ошибается в своих суждениях. ЯЦУ.

№ 19. ЦГ гуляет по промерзшей дороге. Не высказывает сострадания при виде мертвой плоти. ЯЦУ.

№ 20. ЦГ носит белую лисью шубу и не знает, что небо (послало) холода. ЯЦУ.

№ 21. ЦГ удивляется тому, что планета Ин-хо появляется в созвездии Сюй и не уходит. ЯЦУ.

№ 22. ЦГ направляется в поход на Сун. Во сне ему являются двое разгневанных мужей. ЯЦУ.

№ 23. ЦГ отправляется на охоту и восемнадцать дней не возвращается в государство. ЯЦУ.

№ 24. ЦГ хочет казнить неотесанного мужлана, вспугнувшего птицу. ЯЦУ.

№ 25. ЦГ из-за смерти своей любимой лошади хочет казнить конюха. ЯЦУ.

ЦЗЮАНЬ 2.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "УВЕЩЕВАНИЯ". Ч.1. 2-Я пянь.

№ 1. ЦГ взывает высокие подати и затевает большое количество судебных дел. Хочет сделать это обязанность Янь-цзы. ЯЦУ.

№ 2. ЦГ хочет убить человека, погубившего его любимую софору. ЯЦУ.

№ 3. ЦГ догоняет, хватает человека, срубившего бамбук, и сажает его в темницу. ЯЦУ.

№ 4. ЦГ намеревается убить солдат, месивших глину, но не завершивших работу. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ зимой вводит повинность на строительство Великой башни. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ, построив Длинные палаты, хочет украсить их. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ строит длинную дорогу на Цзоу. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ весной и летом гуляет и охотиться. Вводит трудовые повинности. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ, отдыхая после охоты, садится на землю. Янь-цзы, сев на циновку, увещевает его.

№ 10. ЦГ, охотясь, встречает змею и тигра. Считает, что это - несчастливое предзнаменование. ЯЦУ.

№ 11. ЦГ после того, как завершается строительство башни, хочет установить колокол. ЯЦУ.

№ 12. ЦГ после того, как был изготовлен колокол "тай люй", намеревается дать пир. ЯЦУ.

№ 13. ЦГ делает себе туфли и украшает их золотом и нефритом. ЯЦУ.

№ 14. ЦГ хочет взять себе жилье и одежды совершенномудрых царей и тем привлечь к себе удельных князей. ЯЦУ.

№ 15. ЦГ бахвалится своей шапкой и одеждой. ЯЦУ.

№ 16. ЦГ делает себе огромную шапку, длинную одежду и в них дает аудиенцию. ЯЦУ.

№ 17. ЦГ сурово держит себя во время аудиенции, и низшие не высказываются. ЯЦУ.

№ 18. ЦГ, поднимаясь на башню Великих палат, не достигает верха и не высказывает одобрения. ЯЦУ.

№ 19. ЦГ поднимается на башню Великих палат. Глядя на свое государство, вздыхает. ЯЦУ.

№ 20. Когда был заложен фундамент для Великих Покоев* Цзин-гуна, Пай Юйхэ стал просить о совместном захоронении. ЯЦУ князя, и тот позволяет.

№ 21. Когда умирает любимая наложница Цзин-гуна, он остается рядом, и три дня ее не могут положить в гроб. ЯЦУ.

№ 22. ЦГ хочет устроить Лян Цюй-цзюю пышные похороны. ЯЦУ.

№ 23. ЦГ хочет похоронить своего гончего пса со всеми церемониями, как человека. ЯЦУ.

№ 24. ЦГ, держа трех бесстрашных воинов, не соблюдает принципы отношений между государем и подданным. ЯЦУ.

№ 25. ЦГ, стреляя из лука, думает о том, чтобы иметь храбрых и сильных воинов и вместе с ними править государством. ЯЦУ.

ЦЗЮАНЬ 3.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "ВОПРОСЫ". Ч.1. 3-я пянь.

№ 1. Чжуан-гун спрашивает: "Время ли сейчас внушить почтение миру и покорить Поднебесную?" Янь-цзы отвечает (далее - ЯЦО), что это реально.

№ 2. Чжуан-гун спрашивает о нападении на Цзинь. ЯЦО: "Нельзя. Если не будет успеха, то это - счастье для нашей страны".

№ 3. Цзин-гун спрашивает (далее: ЦГС), можно ли напасть на Лу. ЯЦО, что лучше - совершенствовать правление и дожидаться, пока в Лу наступит смута.

№ 4. ЦГ, напав на Лай, покоряет его. Спрашивает, кого следует наградить. ЯЦО: "Прибавить жалованье чиновникам, принесшим победу своими советами".

№ 5. ЦГС о деяниях совершенномудрых царей. ЯЦО: "Нынешний век - век упадка", и критикует князя.

№ 6. ЦГС: "Я хочу сделать совершенным правление в Ци и стать царем-гегемоном". ЯЦО: "Государственная система еще не готова к этому".

№ 7. ЦГС, сможет ли он, подобно Хуань-гуну, использовавшему на службе Гуань Чжуна, стать гегемоном. ЯЦО, что князь, не сумеет этого.

№ 8. ЦГС, кто раньше погибнет - Цзюй или Лу. ЯЦО, что Лу погибнет позже, а Цзюй раньше.

№ 9. ЦГС: "О чем следует беспокоиться, управляя государством". ЯЦО: "О крысе, вредящей алтарям, и о свирепой собаке".

№ 10. ЦГС: "Я хочу приказать чтецу молитв и историографу найти счастье". ЯЦО: "Следует отказаться от наказаний, и тогда не надо будет ничего искать".

№ 11. ЦГС о деяниях правителей эпохи Процветания. ЯЦО, что те, кто спрашивает о Дао, изменяются сердцем.

№ 12. ЦГС: "В чем состоит искусство выполнить план и осуществить дело". ЯЦО: "Соизмеряйтесь со справедливостью и следуйте народу".

№ 13. ЦГС: "Как сделать, чтобы искусно управлять государством". ЯЦО: "Брать на службу совершенномудрых и давать должность талантливый".

№ 14. ЦГС, трудно ли государю и чиновникам снискать уважение и славу. ЯЦО, что легко.

№ 15. ЦГС, из-за чего Поднебесная останется и из-за чего исчезнет. ЯЦО шестью фразами.

№ 16. ЦГС, какими поступками характеризуется благородный муж. ЯЦО, указывая на три черты.

№ 17. ЦГС: "Как совершенномудрый государь правит страной?" ЯЦО: "Берет на службу мудрецов и любит народ".

№ 18. ЦГС: "Как просвещенные цари поучали народ?" ЯЦО: "Осуществляя, прежде всего, справедливость".

№ 19. ЦГС: "Как преданный чиновник должен служить своему государю?" ЯЦО: "Не быть рядом с государем, когда тот попадает в беду".

№ 20. ЦГС: "Какими должны быть поступки преданного чиновника?" ЯЦО: "Не совершать зло, когда зло совершает государь".

№ 21. ЦГС: "Как льстецы служат государю?" ЯЦО: " Это то, чему верят глупые государи".

№ 22. ЦГС: "Почему совершенномудрые не добиваются своей цели?" ЯЦО: "Не идут вслед за миром, погружающимся в зло".

№ 23. ЦГС о князьях древности, царствовавших над народом и не причинявших зла, управлявших страной и не допускавших ее ослабления. ЯЦО словами о Вэнь-ване.

№ 24. ЦГС: "Как древние лишались своего народа?" ЯЦО: "Ныне в народе слышно, что князь правит, словно разбойник или враг".

№ 26. ЦГС: "Я хочу прийти в согласие со своими чиновниками, и войти в тесное общение с низами". ЯЦО словами о верности, послушании, бережливости и умеренности.

№ 27. ЦГС о способе найти мудреца. ЯЦО: "Выбирать его по его словам, проверять его по его делам".

№ 28. ЦГС: "Чем чиновник должен отблагодарить государя?"
ЯЦО: "Добрым поступком".

№ 29. ЦГС, о чем следует беспокоиться тому, кто заботится о стране и управляет народом. ЯЦО, что следует беспокоиться о трех вещах.

№ 30. ЦГС, о чем следует беспокоиться при управлении. ЯЦО: "О том, что добро и зло не различаются".

ЦЗЮАНЬ 4.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "ВОПРОСЫ". Ч.2. 4-я пянь

№ 1. ЦГС, что ему сделать, дабы повторить путешествия царей прошлого. ЯЦО: "Наблюдать за посевами и сбором урожая".

№ 2. ЦГС: "Каким образом Хуань-гун стал гегемоном?" ЯЦО: "За счет того, что поставил себя ниже мудреца".

№ 3. ЦГС: "Я хочу достичь Хуань-гуна". ЯЦО: "Вы берете на службу не тех людей, которых брал он".

№ 4. ЦГС о честном правлении, которое держится долго и неизменно. ЯЦО, что стихия такого правления - это вода.

№ 5. ЦГС о пути чиновника. ЯЦО словами о девяти ограничениях.

№ 6. ЦГС: "Если мудрость порочна, может ли она просветить?" ЯЦО, что избегавшие насилия, становились правителями.

№ 7. ЦГС об обогащении народа и умиротворении масс. ЯЦО словами об ограничении желаний и проникновении в суть при слушании судебных дел.

№ 8. ЦГС, каким должно быть государство, чтобы его можно было назвать государством умиротворения. ЯЦО, что следует умиротворить правление во внутренних делах и придерживаться справедливости в делах внешних.

№ 9. ЦГС, какое из удельных княжеств попадет в беду. ЯЦО, что раньше всех погибнет Цзюй.

№ 10. Янь-цзы является с посольством в У. Князь спрашивает, останется Янь-цзы или уйдет. ЯЦО, что необходимо посмотреть, смута в этой стране или порядок.

№ 11. Уский царь спрашивает о способе сохранить власть и могущество и не потерять их. ЯЦО, что сначала следует заботиться о народе, затем о себе.

№ 12. Янь-цзы является с посольством в Лу. Луский князь спрашивает, почему Янь-цзы служит несправедливому государю. ЯЦО: "Я защищаю свой клан".

№ 13. Луский Чжао-гун спрашивает, почему он, владея целым государством, все равно подвержен заблуждениям. ЯЦО, что у Лу стало одно сердце.

№ 14. Луский Чжао-гун спрашивает, как умиротворить страну и объединить народ. ЯЦО: "Служить великому, вскармливать малое; быть почтительным и внимать, быть умеренным и беречь".

№ 15. Янь-цзы является с посольством в Цзинь. Цзиньский Пин-гун спрашивает, как государь-предок привлекал к себе массы. ЯЦО сравнением благородного мужа с дождем, орошающим низину и омут*.

№ 16. Цзиньский Пин-гун спрашивает, высока ли добродетель циского князя или же деяния его - низкие. ЯЦО словами о малом добре.

№ 17. Цзиньский Шу-сян спрашивает (далее - ШСС), как обстоят дела в циском государстве. ЯЦО, что добродетель циского князя пришла в упадок и народ переходит на сторону рода Тянь.

№ 18. ШСС: "Добродетель циского князя пришла в упадок. Как же Вы в этой ситуации ведете себя?" ЯЦО: "Выступая вперед, не перестаю быть преданным; уходя, не перестаю вести себя достойно".

№ 19. ШСС о поступках честного ученого и поступках лукавого человека. ЯЦО: "Один заставляет низы следовать государю; другой - отступать от государя".

№ 20. ШСС о достоинствах того, кто служит государю, и того, кто живет в уединении. ЯЦО, что великий мудрец не имеет предпочтений.

№ 21. ШСС, прямые или извилистые поступки того, кто пребывает в мире смуты. ЯЦО: "Делать основой народ".

№ 22. ШСС, какие желания самые возвышенные и какие поступки самые благородные". ЯЦО: "Любить народ и радовать народ".

№ 23. ШСС, как в поведении людей проявляется бережливость, стяжательство и жадность. ЯЦО: "Бережливость - это путь благородного мужа".

№ 24. ШСС, в чем важнейший долг благородного мужа. ЯЦО: "Чтить достойных и отвергать недостойных".

№ 25. ШСС, можно ли презрительно относиться к миру и с любовью отдаваясь делу, осуществлять Дао. ЯЦО словами о безумном заблуждении.

№ 26. ШСС, каким нужно быть человеком, чтобы прославиться. ЯЦО "Служа государю, быть верным; служа родным, быть почтительным".

№ 27. ШСС, как человеку беречь себя. ЯЦО: "Молить о счастье".

№ 28. Цзэн-цзы спрашивает о тех, кто осуществляет справедливость, не увещевая правителей и не заботясь о народе. ЯЦО: "Чем же они ее осуществляют?"

№ 29. Лян Цю-цзюй спрашивает: "Вы служили трем правителям, и у каждого было свое сердце". ЯЦО: "С одним сердцем можно служить даже ста правителям".

№ 30. Бо Чан-цянь спрашивает о пути, который не исчезнет, и теле, которое не погибнет. ЯЦО словами о благородном муже, который заботится обо всем мире.

ЦЗЮАНЬ 5.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "РАЗНОЕ". Ч.1. 5-я пянь.

№ 1. Чжуан-гун не одобряет Янь-цзы (далее: ЯЦ). ЯЦ садится на землю, вступает с князем в спор и уходит.

№ 2. Чжуан-гун не использует ЯЦ на службе. Янь-цзы отдает города обратно и уходит. Впоследствии Цуй Ши обрекает страну на несчастья.

№ 3. Цуй и Цин принуждают полководцев и сановников принести им присягу на верность. ЯЦ отказывается.

№ 4. ЯЦ дважды берется за управление областью (Дун)-а и обретает доверие: ЦГ поручает ему править государством.

№ 5. ЦГ испытывает неприязнь к людям, с которыми он давно знаком. ЯЦ уходит в отставку. в стране наступают беспорядки, и князь вновь призывает ЯЦ ко двору.

№ 6. В Ци свирепствует голод. ЯЦ воспользовавшись повинностью на строительство Великих покоев, воодушевляет народ.

№ 7. ЦГ намеревается срыть дамбу у Восточных ворот. ЯЦ говорит, что нельзя изменять древность.

№ 8. ЦГ жалеет голодного. ЯЦ, возвеличивая его намерения, говорит, что это - основа управления государством.

№ 9. ЦГ ловит птенца воробья. Поскольку тот был слаб, князь отпускает его. ЯЦ говорит, что князь относится к маленькому, как к старшему.

№ 10. ЦГ видит на дороге мальчика, просящего милостыню. Янь-цзы высмеивает князя, заставляя его накормить мальчика.

№ 11. ЦГ мучается, опозорившись перед стражником, у которого были отрезаны ноги, и не является на аудиенцию. ЯЦ просит наградить охранника, хваля того за прямоту.

№ 12. ЦГ ночью склоняет ЯЦ к тому, чтобы выпить. ЯЦ говорит, что не посмеет присоединиться.

№ 13. ЦГ велит подать еду и принести шубу. ЯЦО, что он - слуга престола и народа.

№ 14. ЯЦ пьет вино Цзин-гуна. Запрещает распорядителю ввести поборы, желает разделить радость вместе с народом.

№ 15. ЯЦ пьет вино Цзин-гуна. Князь велит принести огни. ЯЦ отказывается, ссылаясь на "Ши-цзин".

№ 16. Цзиньский князь, вознамерившись напасть на Ци, посылает человека поехать туда и все осмотреть. ЯЦ прислуживает ему, соблюдая церемонии, и разрушает планы Цзинь.

№ 17. ЦГС у Дунмэй У-цзэ о годовом урожае злаков. Тот отвечает, говоря обо льде. ЯЦ просит отменить нападение на Лу.

№ 18. ЦГ поручает ЯЦ подарить лускому князю земли, но луский князь велит не брать полностью.

№ 19. ЦГ гуляет по Цзи. Находит золотой кувшин, внутри которого были письма. Тогда ЯЦ высмеивает князя.

№ 20. ЦГ считает мудрым луского Чжао-гуна, который, бежав из страны, раскаялся. ЯЦ говорит, что уже поздно.

№ 21. ЯЦ является с посольством в Лу. После того, как он завершает дела, Чжун-ни говорит, что ЯЦ знает церемонии.

№ 22. ЯЦ является в Лу. Во время трапезы ему подают свинью, в которой недостает двух лопаток. Однако человека, который готовил ее, искать не стали.

№ 23. Когда Цзэн-цзи уходит, ЯЦ провожает его, одаривая прекрасными речами.

№ 24. ЯЦ приезжает в Цзи. увидев циского Юэ Шифу, который был связан, выпрягает из тройки левую лошадь и выкупает его. Вместе они возвращаются домой.

№ 25. ЯЦ, разволновавшись из-за слов своей жены, приходит в подавленное состояние. ЯЦ жалуется ему титул Великого сановника.

№ 26. Минь Цзы-у встречается с ЯЦ. ЯЦ расстраивается, что не выразил сполна своих намерений.

№ 27. Янь-цзы дает Бэйго сао рис, чтобы тот прокормил свою мать. Сао кончает жизнь самоубийством, дабы доказать князю мудрость ЯЦ.

№ 28. ЦГ хочет пригласить Гао Цзю на аудиенцию. ЯЦ отказывает ему, говоря, что это - чиновник, который служит только ради жалованья.

№ 29. Гао Цзю, управляя домом ЯЦ, не усваивает его порядков, и ЯЦ увольняет его.

№ 30. ЯЦ пребывая в трауре, уклончиво отвечает домоуправителю. Чжун-ни восхищается этим.

ЦЗЮАНЬ 6.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "РАЗНОЕ". ч.2. 6-я пянь.

Н 1. Лин-гун запрещает женщинам носить мужские украшения, но они не перестают делать этого. ЯЦ просит сначала во дворце запретить так одеваться.

Н 2. Жителям Ци понравилось сталкивать телеги втулками колес. ЯЦ обманывает их, говоря, что это - несчастливое предзнаменование, и тем самым добивается прекращения этого.

Н 3. ЦГ видит во сне пятерых мужей, сказавших, что за ними нет вины. ЯЦ понял, что они были несправедливо обижены.

Н 4. Бо Чан-цянью молитвами добивается смерти совы. Собирается просить и о долголетию для ЦГ. ЯЦ догадывается об обмане.

Н 5. ЦГ возводит Кленовую опочивальню. Наставник Кай говорит, что она кренится на Запад. ЯЦ оспаривает его правоту.

Н 6. ЦГ заболевает водянкой. Видит во сне, что он борется с солнцем. ЯЦ учит толкователя снов, как надо ответить.

Н 7. У ЦГ вскакивает фурункул. ЯЦ осматривает его и говорит князю, какой этот фурункул из себя. Тогда князь понимает, что все его чиновники - мужланы.

Н 8. ЯЦ является с посольством в У. По приказу усюго царя церемониймейстер объявляет своего государя сыном Неба. ЯЦ объясняет, что заблудился.

Н 9. ЯЦ является с посольством в Чу. Чуский царь делает маленькую дверь. ЯЦ говорит, что через собачий лаз проходят посланцы в государство собак.

Н 10. Чуский царь, желая опозорить ЯЦ, указывает на вора, говоря, что это - писец. ЯЦ отвечает словами о мандариновом дереве.

Н 11. Чуский царь потчует ЯЦ. Когда приносят мандарины и кладут нож, ЯЦ съедает их, не разрезая.

Н 12. ЯЦ является ко двору, приехав на хозяйственной телеге и одетый в холщовое платье. ЦГ пьет вино, а прислуживающий ему Чэнь Хуань-цзы просит разрешения наказать ЯЦ.

№ 13. Тянь У-юй просит найти образованного ученого в каждой из сторон света. ЯЦ говорит, что благородного мужа встретить трудно.

№ 14. Тянь У-юй берет верх над господином Луанем и Гао, хочет раздать их домашнее имущество. ЯЦ велит отдать это имущество князю.

№ 15. Цзы-вэй удивляется тому, что ЯЦ не взял себе город господина Цина. ЯЦ говорит: "Если владеть тем, что вызывает желания у многих, тогда погибнешь".

№ 16. ЦГ жалуется ЯЦ поместьями Пинъинь и Гао Као. ЯЦ отказывается, желая, чтобы князь выполнил три его наказа.

№ 17. Лян Цю-цзюй говорит, что ЯЦ не вдоволь ест мясо. ЦГ дарит землю в удел ЯЦ, но тот отказывается.

№ 18. Из-за того, что Янь-цзы не вдоволь ест, ЦГ дарит ему тысячу монет, но ЯЦ не берет.

№ 19. Из-за того, что одежда ЯЦ - груба, а пища - скудна, ЦГ велит Тянь У-юю передать ему в удел город. ЯЦ отказывается.

№ 20. Тянь Хуан-цзы удивляется, ради чего ЯЦ отказался от города. ЯЦО: "Ради службы благородного мужа".

№ 21. ЦГ вознамерился сменить жилище ЯЦ. ЯЦ отказывается и в разговоре о близконаходящемся рынке высмеивает князя. Князь уменьшает число казней.

№ 22. ЦГ разрушает жилище соседа ЯЦ, чтобы увеличить жилище ЯЦ. ЯЦ при помощи Чэнь Хуань-цзы отказывается.

№ 23. ЦГ хочет построить во дворце покои для ЯЦ, но тот отказывается, говоря, что это удалит его от князя.

№ 24. ЦГ, поскольку жена ЯЦ стала уже старой и некрасивой, намеревается дать ему любовницу. ЯЦ дважды поклонившись, отказывается.

№ 25. Из-за того, что ЯЦ ездит на убогой телеге, запряженной клячей ЦГ, гун велит Лян Цю-цзюю одарить его. ЯЦ трижды отказывается и не принимает подарки.

№ 26. ЦГ, видя, что пища ЯЦ убога и скудна, поражается его бедности. ЯЦ говорит, что его пищи хватило бы на троих ученых.

№ 27. Лян Цю-цзюй сокрушается, что ему не достичь ЯЦ. ЯЦ убеждает его, говоря, что нужно постоянно делать, постоянно идти.

№ 28. ЯЦ по старости отказывается от города. ЦГ не позволяет этого.

№ 29. ЯЦ болеет, лежит при смерти. Жена спрашивает, что хочет он оставить ей в завет. ЯЦ говорит: "Не меняй своих обычаев".

№ 30. ЯЦ болеет, лежит при смерти. Приказывает продолбить столб и положить туда книгу. Велит показать ее сыну, когда тот вырастет.

ЦЗЮАНЬ 7.

"ВНЕШНИЕ ПЯНИ". 7-я пянь.

№ 1. ЦГ пьет вино, велит ЯЦ отбросить церемонии. ЯЦУ.

№ 2. ЦГ устраивает винопитие на горе Тайшань. Взглянув на все четыре стороны, рыдает. ЯЦУ.

№ 3. ЦГ видит во сне комету, и велит истолковать это. ЯЦУ.

№ 4. ЦГС, какой бы была его радость, если бы издревле не было смерти. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ говорит, что Лян Цю-цзюй находится с ним в согласии. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ велит заклинателю и историографу молиться о предотвращении зла, несомого кометой. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ болеет. Лян Цю-цзюй и И Синь просят позволения казнить заклинателя и историографа. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ видит на дороге человека, умершего от голода. Стыдится своей собственной недобродетельности. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ намеревается казнить человека, сломавшего его любимое дерево. ЯЦУ.

№ 10. Сидя во внутренних покоях, ЦГ говорит: "Кому все это достанется?" ЯЦУ.

№ 11. После того, как была возведена башня для ЦГ, Пэнь Чэн-гуа захотел подхоронить свою мать (к могиле отца). ЯЦУ князя, и тот позволяет похороны.

№ 12. ЦГ возводит башню Длинных палат. ЯЦ, танцуя, увещевает его.

№ 13. ЦГ велит Чжо-цзюю стеречь птицу, но тот упускает ее. Князь, разгневавшись, собирается его казнить. ЯЦУ.

№ 14. ЦГС о бедах, угрожающих управлению государством. ЯЦУ, что рядом с государем находятся льстецы и клеветники.

№ 15. ЦГС, кто в будущем возьмет на себя владение государством Ци. ЯЦУ: "Род Тянь".

№ 16. ЯЦ является с посольством в У. Уский царь спрашивает его о поведении благородного мужа. ЯЦО, что не нужно погибать вместе с той страной, где царят беспорядки.

№ 17. Уский царь спрашивает: "Циский государь агрессивен и жесток. Как Вы, мой учитель, терпите это?" ЯЦО: "Разве можно с помощью Дао накормить людей?"

№ 18. Сыма Цзы-ци спрашивает, есть ли такие люди, которые не служат государю, не сострадают народу, но прославляются. ЯЦО словами о негуманности.

№ 19. Гао-цзы спрашивает: "Вы служили Лин-гуну, Чжуан-гуну, Цзин-гуну, и все они уважили Вас". ЯЦО словами об одном сердце.

№ 20. ЯЦ дважды берется за управление Дунъя. И наконец, отправляет ко двору отчет. ЦГ выезжает ему навстречу и поздравляет его. ЯЦ отказывается.

№ 21. Великий Гадатель вводит ЦГ в заблуждение, говоря, что может сотрясать землю. ЯЦ, узнав об обмане, велит гадателю самому открыть глаза князю.

№ 22. Князю было прислано клеветническое письмо. ЯЦ уходит со службы и начинает пахать землю. Когда в государстве наступают беспорядки, князь снова призывает ЯЦ ко двору.

№ 23. ЯЦ поручает Гао-цзю управлять его домашними делами, но за три года тот ни разу не исправлял его ошибок. ЯЦ увольняет его.

№ 24. ЦГ говорит о том, что Хуан-гун дал удел Гуань Чжуну, и тоже дарит ЯЦ город. Но тот отказывается и не берет.

№ 25. ЦГ поручает Лян Цю-цзюю передать в дар от него шубу стоимостью в тысячу монет. ЯЦ отказывается и не берет ее.

№ 26. ЯЦ является ко двору, одетый в шубу из оленьей шкуры. ЦГ поражается его бедности. ЯЦ говорит: "Украшение у меня есть".

№ 27. Чжун-ни говорит: "ЯЦ своими деяниями поддерживал трех государей и ничего не имел с этого. Это настоящий благородный муж".

ЦЗЮАНЬ 8.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". 8-я пянь.

№ 1. Чжун-ни является к ЦГ. ЦГ намеревается пожаловать его уделом. ЯЦ считает, что это невозможно.

№ 2. ЦГ поднимается в Великие покои. Услышав звуки рыданий, спрашивает о них у Лян Цю-цзюя. ЯЦО.

№ 3. Чжун-ни является к ЦГ. ЦГ говорит: "Учитель, почему Вы не представились моему министру?"

№ 4. Чжун-ни приезжает в Ци. Встречается с ЦГ, но не идет к ЯЦ. ЦГ задает вопрос.

№ 5. ЦГ, отправившись на охоту, спрашивает у ЯЦ, есть ли такой, как Конфуций, среди людей толпы.

№ 6. Чжун-ни служит министром в Лу. ЦГ расстраивается из-за этого. ЯЦО, что беспокоиться не о чем.

№ 7. ЦГС: "Если чиновник или старший и младший брат сильны, то достаточно ли этого, чтобы положиться на них". ЯЦО, что недостаточно.

№ 8. ЦГ гуляет по горе Ньюшань. Испытывая мало радости, просит ЯЦ высказать какое-нибудь желание.

№ 9. ЦГ делает большой колокол. ЯЦ, Чжун-ни, Бо Чан-цян понимают, что он должен треснуть.

№ 10. Тянь У-юй укоряет ЯЦ в том, что у того старая жена. ЯЦО, что изгнать старого называется смутой.

№ 11. Служанка высказывает желание находиться при ЯЦ. ЯЦ отказывается и отвергает ее.

№ 12. ЦГ хочет казнить сборщика перьевого налога. ЯЦ считает, что по закону нельзя допустить убийство.

№ 13. ЦГ говорит ЯЦ: "В Восточном Море есть красные воды". ЯЦ подробно отвечает.

№ 14. ЦГС, есть ли в Поднебесной предельно большое и предельно малое. ЯЦО.

№ 15. Чжуан-гун строит планы относительно Цзюй. Когда люди в его государстве учиняют беспорядки, князь обманывает их, говоря, что ЯЦ - здесь. Тогда они успокаиваются.

№ 16. ЯЦ умер. ЦГ погоняет изо всех сил. Приехав, рыдает и скорбит и, перестав, уходит.

№ 17. ЯЦ умер. ЦГ оплакивает его, говоря: "Никто больше не изложит, никто не скажет мне о моих ошибках".

№ 18. ЯЦ скончался. Все окружение князя льстит ему. Сянь Чжан увещевает его. ЦГ дарит ему рыбу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1) Карапетьянц А.М. Вопросы статистического анализа языка "Речей царств" - В кн.:Исследования по китайскому языку. Сб.ст.- М., 1973.

2) Рубин В.А. Рабовладение в древнем Китае в VII-V вв. до н.э. (по "Цзо чжуань") - В кн.:Вестник древней истории. - 1959. № 3.

3) Сторчевой Л.В. Дискуссия о "Янь-цзы чуньцю" в Китае - В кн.:Научная конференция "Общество и государство в Китае". 18-я. ч.1. - М., 1987.

3а) Сторчевой Л.В. Исторические сведения о Янь-цзы - В кн.:Культуры в диалоге. - Свердловск, 1992 (в печати).

3б) Сторчевой Л.В. Сюжеты о Янь-цзы в древнекитайской литературе - В кн.:Новое в изучение Китая. - Ч.1. - М., 1987.

4) Бай цзы цюань шу (Все книги раздела "Философы"). Т.1-8. - Ханчжоу, 1984:

т.1. "Кун цун цзы" (Философы семьи Кун), "Синь суй" (Новое установление), "Шо юань" (Сад речений).

т.5 "Люй-ши чуньцю" (Весны и осени господина Люя), "Мо-цзы".

т.6. "Лю-цзы".

т.8. "Ле-цзы".

5) Бань Гу. "Цянь Хань шу и вэнь чжи" (Книга династии Хань: сведения по литературе и искусствам). - Цянь хань шу. Т.14. Сер. "Сы бу бэй яо". Т.453. - Шанхай, 1936.

6) Ван Мин-шэн. "Э шу бянь" (Плоды муравьиного трудолюбия). - Т.1, 2. - Шанхай, 1958.

7. Ван Яо-чэнь. "Чун вэнь цзун му" (Сводный каталог высокой словесности). Т.1-4. Сер. "Цун шу цзи чэн". Т.21-24. - Шанхай, 1937.

8) Вэй Чжэн. "Цюнь шу чжи яо" (Наиглавнейшее из всех книг). Т.1-10. Сер. "Цуншу цзи чэн". Т.195-204. - Шанхай, 1936.

9) Гао Хэн. "Янь-цзы чуньцю" ды сецзо шидай (Время создания "Весен и осеней Янь-цзы") - В кн.: Вэньсюэ ичань цзэн кань (Литературное наследие). - Вып.8. - Пекин, 1962.

10) Люй Сюй. "Цзю тан шу цзин цзи чжи" (Старая история Тан: сведения по канонической и прочей литературе - "Цзю тан шу". Т.12. Сер. "Сы бу бэй яо". Т.657. - Шанхай, 1936.

11) Лю-Цзун-юань. "Лю Хэ-дун цюань цзи" (Полное собрание сочинений Лю Хэ-дуна). Т.2. Сер. "Сы бу бэй яо". Т. 1808. - Шанхай, 1936.

12) Сыма Цянь. "Ши цзи" (Записки историка). Т.1-10. - Шанхай, 1964.

13) Ху Цзи-чуан. "Чжунго цзинцзи сысян ши" (История экономической мысли Китая). Т.1 - Шанхай, 1962.

14) Цзяо Хун. "Го ши и вэнь чжи" (Династийные истории государства: разделы канонической и прочей литературы) - В кн.: Мин ши и вэнь чжи. Бу бянь. Фу бянь (История династии Мин: сведения по литературе и искусствам. Испр. и дополн.изд.). Т.2 - Шанхай, 1959.

15) Чансунь Цзи. "Суй шу цзин цзи чжи" (История династии Суй: сведения о канонической и прочей литературе). - Шанхай, 1955.

16) Чао Гун-у. "Чжаодэ сянь шэн Цзюнь чжай ду шу чжи" (Сведения по книго чтению, представленные из студии Цзюнь, Учителя Чжао-дэ) - В кн.:Цзюнь чжай ду шу чжи. Т.1-8 (197-204). - Шанхай, 1934.

17) Чжан Синь-чэн "Вэй шу тун као" (Общее исследование апокрифических сочинений). т.1, 2. - Шанхай, 1957.

18) "Чжу цзы цзи чэн" (Философские книги, собранные воедино). Т.1-8. - Шанхай, 1957:

т.1. "Мэн-цзы чжэн и" (Истинный смысл "Мэн-цзы"), ред.Цзяо Сюнь.

т.4. "Янь-цзы чуньцю цзяо чжу" (Отредактированный и прокомментированный текст "Весен и осеней Янь-цзы"), ред. Чжан Чунь-и.

19) Чэнь Чжэнь-сунь. "Чжи чжай шу лу цзе ти" (Аннотированный книжный каталог из студии Чжи). Т.1-5. Сер. "Цун шу цзи чэн". Т.44-45. - Чанша, 1937.

20) "Янь-цзы чуньцю цзи ши" (Весны и осени Янь-цзы" со сводным толкованием. Ред. У Цзэ-юй. Т.1, 2. - Шанхай, 1962.

21) Legge J. "The Chinese Classics... by James Legge. vol.V p.1, 2 (The "Ch'un Ts'ew" with "Tso Chuan"). Hongkong-London, 1982.

22) Walker Richard L. "Some Notes on the "Yon-tsu Ch'un-ch'iu" - "Journal of American Oriental Society". vol.73, N3 (July-September, 1953).

SUMMARY

The L.Storchevoy's article "Yan-zi chunqiu": an introduction in study of the text "investigates of the Zhoy Dynasty's philosophical-historical work "Springs and autumns of Yan-zi (V-III B.C.). This text is took no notice by Russian sinologists and therefore the Storchevoy's article is named "an introduction". The author determines this text as a narrative, makes is' survey, describes opinions of the traditional and modern historiography on this text, offers his own point of view on it's origin.